

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ЕВРЕИ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

CoRPvS

Юрий Слёзкин

**Эра Меркурия. Евреи
в современном мире**

«Corpus (АСТ)»

2004

УДК 94
ББК 63.3(0)

Слёзкин Ю. Л.

Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Ю. Л. Слёзкин —
«Corpus (АСТ)», 2004

ISBN 978-5-17-109198-9

Исследование историка Юрия Слёзкина, автора монументального “Дома правительства”, посвящено исторической судьбе евреев российской черты оседлости – опыту выживания вечно чуждых (и тщательно оберегающих свою чуждость) странников-“меркурианцев” в толще враждебных (и вечно культивирующих свою враждебность) “титulyных” наций. Этот опыт становится особенно трагическим в XX веке, в эпоху трех “мессианских исходов” – “в Соединенные Штаты, оплот бескомпромиссного либерализма; в Палестину, Землю обетованную еврейского национализма; и в города СССР, свободные и от либерализма, и от племенной исключительности”. Те, кто остался дома, исчезли в огне нацистского “окончательного решения”, но и Советский Союз (судьбам и исходу советского еврейства отведено особое место в книге) оказался мало похож на Землю обетованную...

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-109198-9

© Слёзкин Ю. Л., 2004
© Corpus (АСТ), 2004

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрий Слѣзкин
Эра Меркурия
Евреи в современном мире

© Yuri Slezkine, 2004

© С. Ильин, наследники, перевод на русский язык, 2005

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В детстве я был близок обеим бабушкам. Одна, Ангелина Ивановна Жданович, родилась в семье помещика, училась в Институте благородных девиц, закончила актерскую школу Малого театра и была застигнута Красной армией во Владикавказе в 1920 году. Она гордилась своими запорожскими предками и потеряла все, что имела, в революции. На старости лет она жила в мире со своим прошлым и своей страной. Другая, Берта (Брохе) Иосифовна Костринская, родилась в черте оседлости, не закончила школы, сидела в тюрьме за революционную деятельность, эмигрировала в Аргентину, а в 1931 году вернулась в Россию строить социализм. На старости лет она гордилась своими еврейскими предками и считала всю свою жизнь ужасной ошибкой. Эта книга посвящается ее памяти.

Предисловие

Я благодарен друзьям и коллегам, которые прочитали книгу в рукописи: Маргарет Лавинии Андерсон, Эндрю Е. Баршаю, Дэвиду Билу, Виктории Е. Боннелл, Роджерсу Бру-бейкеру, Амиру Вайнеру, Марии Волькенштейн, Константину Гуревичу, Джону Джерде, В. М. Живову, Виктору Заславскому, Реджинальду Е. Зельнику, С. А. Иванову, Вен Чин Йе, Иоахиму Клейну, Марии Липман, Лизе Литтл, Тиму Макдэниелу, Элизабет Макгуайр, Мар-тину Малии, Джоэлю Мокиру, Норману М. Наймарку, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Ирине Паперно, Игорю Примакову, Н. В. Рязановскому, П. Ю. Слёзкину, Рональду Григору Суни, Эдварду У. Уокеру, Шейле Фитцпатрик, Габриэле Фрайтаг, Григорию Фрейдину, Бен-джамину Харшаву, Дэвиду А. Холлингеру, Ирвину Шайнеру, Джеймсу Дж. Шихану, Теренсу Эммонсу и Джону М. Эфрону. Большинство из них не согласилось с некоторыми из моих доводов, некоторые не согласились с большинством, и никто (за исключением Лизы Литтл, которая обещала делить все радости и невзгоды, и П. Ю. Слёзкина, у которого нет выбора) не отвечает ни за одну из ошибок и опечаток. Двое коллег заслуживают особой благодар-ности: Габриэле Фрайтаг, чьи работы и вопросы подвигли меня на написание этой книги, и Бенджамин Харшав, чья книга, *Language in Time of Revolution*, подсказала композицию последней главы и концепцию “Еврейского столетия”. Семинары в Чикагском и Стэнфорд-ском университетах привели к существенным переработкам текста. Лекции в Беркли, Гар-варде, Вассаре, Йеле и Пенсильванском университете увенчались полезными дискуссиями. Иштван Деак, Табита М. Каного, Брайан Е. Кассоф, Питер Кенез, Г. В. Костырченко, Мэтью Лено, Этан М. Поллок, Фрэнк Е. Сысын, Фредерик Уэйкман, Дэвид Фрик, Донгуй Хи, Джем-шид К. Чокси и Эндрю К. Янош ответили на разнообразные вопросы.

Деньги на исследование и написание были предоставлены Национальным фондом гума-нитарных наук (*National Endowment for the Humanities*), Мемориальным фондом Джона Сай-мона Гуггенхайма (*John Simon Guggenheim Memorial Foundation*) и Центром изучения бихеви-ористских наук (*Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences*), который также обеспечил хорошую погоду и живой обмен мнениями. Элеонора Гилбурд была несравненным научным ассистентом; Джэррод Тэнни помог подготовить рукопись к печати; Вассарский колледж, Пинар Батур и Джон Ван дер Липпе сделали осенний семестр 2002 года столь же приятным, сколь и продуктивным; исторический факультет Калифорнийского университета в Беркли остается замечательным местом работы, а Реджи Зельник был самым лучшим на свете колле-гой.

Введение

Современная эра – еврейская эра, а XX век – еврейский век. Модернизация заключается в том, что все становятся подвижными, чистоплотными, грамотными, говорливыми, интеллектуально изоциренными и профессионально пластичными горожанами; в том, что культивируются люди и символы, а не поля и стада; в том, что богатства ищут ради образования, образования – ради богатства и того и другого – ради их самих; в том, что князья и крестьяне превращаются в учителей и торговцев, наследственные привилегии сменяются приобретенным престижем, а место сословий занимают отдельные личности, малые семьи и начитанные племена (нации). Модернизация – это когда все становятся евреями.

У одних князей и крестьян получается лучше, у других хуже, но никто не способен стать лучшим евреем, чем сами евреи. В век капитала они – самые предприимчивые предприниматели, в век отчуждения – самые опытные изгнанники, а в век специализации – самые искусные профессионалы. Некоторые из старейших еврейских специальностей – коммерция, юриспруденция, медицина, толкование текстов и культурное посредничество – стали самыми важными (и наиболее еврейскими) из всех современных занятий. Древность евреев стала причиной их образцовой современности.

Основной религией современного мира является национализм: вера, которая отождествляет новое общество со старой общиной и позволяет недавно урбанизированным князьям и крестьянам чувствовать себя на чужбине как дома. Каждое государство должно быть племенем, каждое племя – государством. Каждая земля обетованна, каждый язык – Адамов, каждая столица – Иерусалим, и каждый народ избран (и древен). Век национализма – это когда каждая нация становится еврейской.

В Европе XIX столетия (где зародился век национализма) величайшим исключением из правила повсеместного национального строительства были сами евреи. Наиболее успешные из всех современных племен, они оказались и наиболее уязвимыми. Главные триумфаторы века капитализма, они стали главными жертвами века национализма. Больше всех нуждавшиеся в защите государства, они получали ее меньше всех, поскольку ни одно из европейских национальных государств не могло стать олицетворением еврейской нации. В большинстве европейских государств имелись граждане, сочетавшие беспримерные социальные успехи с безысходной племенной чуждостью. Время евреев было также веком антисемитизма.

Все главные современные (антисовременные) пророчества были решениями еврейского вопроса. Фрейдизм, учение по преимуществу еврейское, провозгласил одиночество “эмансипированной личности” неизбежной частью человеческой природы и предложил курс лечения, основанный на применении к человеческой душе принципа либеральных сдержек и противовесов (управляемое несовершенство). Сионизм, наиболее эксцентричная разновидность национализма, исходил из того, что лучший способ преодоления еврейской уязвимости состоит не в том, чтобы все стали как евреи, а в том, чтобы евреи стали как все. Марксизм самого Карла Маркса начался с положения о том, что окончательное освобождение мира от еврейства возможно лишь посредством полного уничтожения капитализма (поскольку капитализм есть неприкрытое еврейство). И, разумеется, нацизм, самый последовательный из всех видов национализма, настаивал на том, что создание подлинной национальной общности возможно лишь посредством полного уничтожения евреев (поскольку еврейство есть неприкрытый космополитизм).

Одна из причин, по которой XX век стал еврейским, состоит в том, что попытка нацистов уничтожить евреев привела к канонизации нацизма в качестве абсолютного зла и превращению евреев в универсальных жертв. Другие причины связаны с распадом российской черты оседлости и тремя последовавшими за этим мессианскими исходами: в Соединенные Штаты,

оплот бескомпромиссного либерализма; в Палестину, Землю обетованную еврейского национализма; и в города СССР, свободные и от либерализма, и от племенной исключительности.

Эта книга представляет собой попытку рассказать историю еврейского века и объяснить его истоки и значение. Глава 1 рассматривает жизнь еврейской диаспоры в сравнительно-историческом контексте; глава 2 описывает превращение крестьян в евреев, а евреев во французов, немцев и прочих; глава 3 посвящена еврейской революции как части революции русской, а глава 4 следует за дочерьми Тевье-молочника в Соединенные Штаты, Палестину и – в особенности – в Москву. Книга заканчивается в конце еврейского века – но не в конце еврейской эры, Эры Меркурия.

Отдельные главы сильно различаются по жанру, стилю и размеру. Читателям, которым не понравится глава 1, может понравиться глава 2 (и наоборот). Тем, кому не понравятся главы 1 и 2, может понравиться глава 3. Читатели, которым не понравятся главы 1, 2 и 3, вряд ли получат пользу от продолжения чтения.

И наконец, эта книга в такой же мере о евреях, в какой – о еврейской эре. Словом “евреи” обозначаются в ней члены традиционных еврейских общин (евреи по рождению, вере, названию, языку, занятиям, самоописанию и формальному статусу), а также их дети и внуки (кем бы они ни были по вере, названию, языку, занятиям, самоописанию и формальному статусу). Главная цель повествования – показать, что произошло с детьми Тевье, независимо от того, как они относились к Тевье и его вере. Главные герои повествования – те из детей Тевье, которые оставили его и его веру и были – на время и по этой причине – забыты прочими членами семьи.

Глава 1

Сандалии Меркурия

Евреи и другие кочевники

*Арес вздремнул, и вновь война
Немедленно объявлена
Меж теми, кто поклоны
Шлет юному Гермесу хитрецу,
И теми, кто поверил, как отцу,
Павлину Аполлону.*

У. О. Оден. Под чьей лирой

В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного. Многие аграрные и пастушеские общества включают в себя общины чужаков, выполняющих обязанности, которыми коренные жители заниматься не хотят или не могут. Смерть, деньги, болезни, торговля, магия, дикая природа и внутреннее насилие часто являются ремеслом людей с чуждыми богами, корнями и языками (или считающихся таковыми). Подобного рода специализированные иностранцы могут использоваться от случая к случаю – как личные рабы, писцы, купцы и наемники – или находиться под рукой постоянно, в виде демографически закрытых эндогамных племен. Их могут допускать – или принуждать – к выполнению определенных работ, потому что они этнические чужаки, или превращать в этнических чужаков, потому что они специализируются на выполнении определенных работ, – так или иначе, они сочетают возобновляемую этничность с опасными занятиями. В Индии такие самовоспроизводящиеся, но не самодостаточные сообщества образуют сложную символическую и экономическую иерархию; в других местах они ведут шаткое, а временами призрачное существование парий в отсутствие освященной религией кастовой системы.

В средневековой Корее народности коли сачук и хуа-чук чаеин использовались как плетельщики, сапожники, охотники, мясники, колдуны, палачи, телохранители, шуты, танцоры и кукловоды. В Японии Асикага и Токугава одно племя (эта) занималось забоем животных, публичными казнями и похоронными услугами, а другое (хинин) монополизировало нищенство, проституцию, жонглерство, натаскивание собак и заклинание змей. В Африке начала XX века сомалийские иебиры практиковали магию, хирургию и обработку кож; фуга Южной Эфиопии специализировались на лицедействе, резьбе и гончарстве; а бродячие кузнецы сахеля, Сахары и Судана были среди прочего менялами, ювелирами, могильщиками, музыкантами, скототорговцами, специалистами по обрезанию и посредниками при улаживании конфликтов. Европейские “цыгане” и “странники” – наследственные лошадиные барышники, предсказатели судеб, бродячие торговцы, ювелиры, музыканты, трубочисты, лудильщики, точильщики, старьевщики, сборщики металлолома и “социальные мусорщики” (специалисты по воровству и нищенству).

Большинство кочевых занятий подобного рода сопровождалось меновой торговлей, и некоторые постоянные чужаки превратились в профессиональных купцов. Шейх-мохаммади из Восточного Афганистана кочевали по традиционным путям сезонных миграций, торгуя необходимыми земледельцам промышленными товарами; хумли-хиампа из Западного Непала меняли тибетскую соль на непальский рис; яо, обитавшие в окрестностях озера Малави, осво-

или важный участок торгового пути вдоль побережья Индийского океана; а коороко из Васулу (ныне Мали) прошли путь от парий-кузнецов до оптовых торговцев орехом кола¹.

Некоторые изгои без труда превращаются в капиталистов. Еврейские, армянские и несто-рианские (ассирийские) предприниматели использовали свой опыт бродячих правонарушителей при создании успешных коммерческих корпораций в то время, как большинство их соотечественников, занятых в сфере обслуживания, оставались социально маргинальными мясниками, кузнецами, сапожниками, цирюльниками, носильщиками, коробейниками, извозчиками и ростовщиками. В мировой трансконтинентальной торговле доминировали диаспоры, пользовавшиеся политической и военной поддержкой, – греческая, финикийская, мусульманская, венецианская, гнуэзская, голландская и британская (среди прочих), – однако место для незащищенных и предположительно нейтральных чужаков находилось всегда. Точно так же как бродячему торговцу шейх-мохаммади разрешалось продать браслет скрытой от мужских глаз пуштунке или примирить двух воинов, не подвергая их честь опасности, еврей-предприниматель мог безнаказанно пересекать христианско-исламскую границу, брать на откуп крупные армейские подряды и заниматься запретным, но всегда нужным “ростовщичеством”. В XVI и XVII веках армянские купцы руководили мощной торговой сетью, соединявшей Османскую, Сефевидскую, Могольскую, Российскую и Голландскую империи посредством специально обученных коммерческих агентов, стандартных договоров и подробных руководств по международным ценам, тарифам и системам мер и весов. В XVIII веке интересы российской и османской дипломатий квалифицированно представляли балтийские немцы и греки-фанариоты².

Чужеродность могла быть полезной и внутри сообщества. Не вступая в браки, драки и дружеские союзы с окружающим населением, профессиональные парии являлись символическими эквивалентами евнухов, монахов и безбрачных либо потомственных священников, поскольку они оставались вне традиционной сети соседских обязательств, кровной дружбы и родовой вражды. Инаданы, строго эндогамные оружейники и ювелиры Сахары, могли отправлять важные ритуальные функции на туарегских свадьбах, жертвоприношениях, церемониях наречения детей и празднованиях военных побед, поскольку на них не распространялись принятые у туарегов требования чести, правила уклонения от общения и законы брачной политики. Купцы-навары служили бедуинам руала для обмена деликатной информацией с соседями; армянские “амира” обеспечивали османский двор надежными откупщиками, казначеями и производителями пороха; а еврейские арендаторы и “шинкари” позволяли польским землевладельцам выжимать доходы из крепостных, не жертвуя при этом риторикой патриархальных отношений³.

¹ David Nemeth. *Patterns of Genesis among Peripatetics: Preliminary Notes from the Korean Archipelago*, in Aparna Rao, ed. *The Other Nomads: Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective*. Cologne: Boehlau Verlag, 1987, 159–178; George de Vos and Hiroshi Wagatsuma. *Japan's Invisible Race: Caste in Culture and Personality*. Berkeley: University of California Press, 1966, 20–28; Michael Bollig. *Ethnic Relations and Spatial Mobility in Africa: A Review of the Peripatetic Niche*, in Rao, *The Other Nomads*, 179–228; James H. Vaughn, Jr. *Caste Systems in the Western Sudan*, in Arthur Tuden and Leonard Plotnicov, eds. *Social Stratification in Africa*. New York: Free Press, 1970, 59–92; Sharon Bohn Gmelch. *Groups That Don't Want In: Gypsies and Other Artisan, Trader, and Entertainer Minorities* // *Annual Review of Anthropology*, 15 (1986): 307–330; Asta Olesen. *Peddling in East Afghanistan: Adaptive Strategies of the Peripatetic Sheikh Mohammadi*, in Rao, *The Other Nomads*, 35–64; Hanna Rauber-Schweizer. *Trade in Far West Nepal: The Economic Adaptation of the Peripatetic Humli-Khyampa*, in Rao, *The Other Nomads*, 65–88; Philip D. Curtin. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 19. Вслед за большинством антропологов я пользуюсь термином “цыгане”, поскольку не все группы, обычно объединяемые им, говорят на романи или являются “рома” по самообозначению.

² Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 186–206; Bruce Masters. *The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750*. New York: New York University Press, 1988, 82–89; John A. Armstrong. *Mobilized and Proletarian Diasporas* // *American Political Science Review* 70, № 2 (June 1976): 400; John A. Armstrong. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982, 210.

³ Ernest Gellner. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983, 102; Dominique Casajus. *Crafts and Ceremonies: The Inadan in Tuareg Society*, in Rao, *The Other Nomads*, 291–310; William Lancaster and Fidelity Lancaster. *The Function of Peripatetics in Ruala Bedouin Society*, in Rao, *The Other Nomads*, 311–322; Hagop Barsoumian. *Economic Role of the Armenian Amira*

Развитие европейского колониализма и вторжение коммерческого капитала в немонетарные системы обмена привели к появлению новых чужаков-специалистов. В Индии парсы Бомбея и Гуджарата стали основными коммерческими посредниками между европейцами, внутренними областями Индии и Дальним Востоком. Потомки зороастрийцев, бежавших в VIII веке из исламизованного Ирана, они образовали замкнутое, эндогамное и политически автономное сообщество, которое оставалось вне индуистской кастовой системы и обладало относительно большей экономической маневренностью. Начав как бродячие торговцы, ткачи, плотники и поставщики алкоголя, с появлением в XVI столетии европейцев они перешли на финансовое посредничество, ростовщичество, судостроение и международную торговлю. К середине XIX века парсы стали ведущими банкирами, промышленниками и профессионалами Бомбея, а также лучшими в Индии знатоками английского языка и западных социальных норм.

Во второй половине XIX века более двух миллионов китайцев последовали за европейским капиталом в Юго-Восточную Азию (где у них и ранее имелись многочисленные колонии), Индийский океан и обе Америки. Некоторые ехали в качестве неквалифицированных рабочих, однако очень многие (включая прежних “кули”) быстро перешли в сектор услуг и со временем заняли господствующее положение в торговле и промышленности Юго-Восточной Азии. В Восточной Африке нишу “посредников” между европейской элитой и туземными земледельцами и скотоводами заняли индийцы, которые прибыли после 1895 года на строительство Угандийской железной дороги и вскоре монополизировали розничную торговлю, конторские должности и “свободные” профессии. Индусы разных каст, мусульмане, сикхи, джайны и католики из Гоа стали *baniyas* (торговцами). Так же поступили ливанские и сирийские христиане (и некоторые мусульмане), отправившиеся в Западную Африку, Соединенные Штаты, Латинскую Америку и на Карибские острова. Многие из них начинали как торговцы вразнос (“коральщики” африканского “буша” или *mescates* внутренних территорий Бразилии), затем открывали постоянные магазины и со временем переходили в промышленность, транспорт, политику, банковское дело, операции с недвижимостью и индустрию развлечений. И куда бы ливанцы ни приезжали, их главными конкурентами были армяне, греки, евреи, индийцы или китайцы – и не только они⁴.

Class in the Ottoman Empire // Armenian Review, 31 (March 1979): 310–316; Hillel Levine. *Economic Origins of Antisemitism: Poland and Its Jews in the Early Modern Period*. New Haven: Yale University Press, 1991, 59–73.

⁴ Edna Bonacich. *A Theory of Middleman Minorities* // American Sociological Review, 38, no. 5 (October 1973): 583–594; Paul Mark Axelrod. *A Social and Demographic Comparison of Parsis, Saraswat Brahmins and Jains in Bombay*. Ph. D. diss., University of North Carolina at Chapel Hill, 1974, 26–39, 60; Charles A. Jones. *International Business in the Nineteenth Century: The Rise and Fall of a Cosmopolitan Bourgeoisie*. Brighton: Wheatsheaf, 1987, esp. 50 and 81–84; T. M. Luhmann. *The Good Parsi: The Fate of a Colonial Elite in a Postcolonial Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1996, 78–91; D. Stanley Eitzen. *Two Minorities: The Jews of Poland and the Chinese of the Philippines* // Jewish Journal of Sociology 10, № 2 (December 1968): 221–240; Daniel Chirot and Anthony Reid, eds. *Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe*. Seattle: University of Washington Press, 1997, см. в особенности предисловие редакторов; Joel Kotkin. *Tribes: How Race, Religion, and Identity Determine Success in the New Global Economy*. New York: Random House, 1993, 170–180; Thomas Sowell. *Migrations and Cultures: A World View*. New York: Basic Books, 1996; Edgar Wickberg. *Localism and the Organization of Overseas Migration in the Nineteenth Century*, in Gary G. Hamilton. *Cosmopolitan Capitalists*. Seattle: University of Washington Press, 1999, 35–55; Yuanli Wu and Chun-hsi Wu. *Economic Development in Southeast Asia: The Chinese Dimension*. Stanford: Hoover Institution Press, 1980; Linda Y. C. Lim and L. A. Peter Gosling, eds. *The Chinese in Southeast Asia*, vols. 1 and 2. Singapore: Maruzen Asia, 1983; Lynn Pan. *Sons of the Yellow Emperor: A History of the Chinese Diaspora*. Boston: Little, Brown, and Company, 1990, 23–152; Agehananda Bharati. *The Asians in East Africa: Jayhind and Ururu*. Chicago: Nelson-Hall, 1972, 11–22, 36, 42–116; Pierre L. van den Bergh. *The Ethnic Phenomenon*. New York: Praeger, 1987, 135–156; Dana April Seidenberg. *Mercantile Adventurers: The World of East African Asians, 1750–1985*. New Delhi: New Age International, 1996; Albert Hourani and Nadim Shehadi, eds. *The Lebanese in the World: A Century of Emigration*. London: Center for Lebanese Studies, 1992; William K. Crowley. *The Levantine Arabs: Diaspora in a New World* // Proceedings of the Association of American Geographers 6 (1974): 137–142; R. Bayly Winder. *The Lebanese in West Africa* // Comparative Studies in Society and History 4 (1961–1962): 296–333; H. L. van der Laan. *The Lebanese Traders in Sierra Leone*. The Hague: Mouton, 1975.

Все эти группы были вторичными производителями, специализировавшимися на предоставлении товаров и услуг окружающему их земледельческому или пастушескому населению. Их главными ресурсами были люди, а не природа; их основной специальностью были “иностранцы”. Они были потомками – или прародителями – Гермеса (Меркурия), бога всех тех, кто не пасет стада, не возделывает землю и не живет мечом; покровителя посредников, переводчиков и перебежчиков; защитника мастерства, искусства и хитроумия.

В большинстве традиционных пантеонов существуют боги-плуты, аналогичные Гермесу, и в большинстве человеческих обществ имеются члены (гильдии или племена), которые обращаются к этим богам за помощью и поддержкой. Область их деятельности огромна, но внутренне последовательна, потому что всегда сосредоточена вдоль границ. Имя Гермеса происходит от греческого “груда камней”, и ранний его культ был связан с пограничными столбами. Протеже Гермеса общаются с духами и чужаками в качестве гонцов, жрецов, купцов, мастеров, проводников, гробовщиков, глашатаев, целителей, искусителей, переводчиков, провидцев, магов и бардов. Все эти занятия тесно связаны между собой, поскольку жрецы были гонцами, гонцы – жрецами, а искусные ремесленники – искусителями (и купцами, которые тоже были гонцами и жрецами). На Олимпе и далеко за его пределами производители и присвоители пищи уважали, боялись и презирали их. То, что они привозили из других миров, было часто чудесным и всегда опасным: Гермес служил единственным проводником в Аид; Прометей, еще один искусный покровитель ремесленников, принес людям самый чудесный и опасный из всех даров; Гефест, божественный кузнец, сотворил Пандору, первую женщину и источник всех бед и соблазнов; а еще двумя римскими богами границы (помимо Меркурия) были Янус, двуликий покровитель начинаний, имя которого означает “дверь, вход”, и Сильван, надзирающий за миром дикой природы (*silvaticus*), раскинувшимся за порогом⁵.

Можно отмечать героизм и смекалку, а можно чуждость и лукавство – так или иначе всем приверженцам Гермеса свойственно меркурианство, или непостоянство. Применительно к народам это означает, что все они странники и скитальцы – от полностью кочевых цыганских таборов до коммерческих сообществ, разделенных на лавочников и коммивояжеров, и до постоянно оседлых народов, считающих себя изгнанниками. Они могут не знать родины, подобно ирландским “странникам” или шейх-мохаммади, потерять ее, подобно армянам и евреям, или не иметь с ней политических связей, как уехавшие за моря ливанцы или индийцы; их главное свойство – постоянная, профессиональная чужеродность (яванское слово “купец”, *wong clagang*, означает “иностранец”, “странник” или “бродяга”). Их мифы о собственном происхождении и символическом предназначении неизменно отличаются от мифов их клиентов, а их (временные) пристанища обычно не похожи на жилища их оседлых соседей. Еврейский дом на Украине не походил на соседнюю крестьянскую хату не потому, что его архитектура была еврейской (таковой не существует), а потому, что его никогда не красили, не латали и не украшали. Он не был частью ландшафта; он был скорлупой, в которой скрывалось подлинное сокровище – дети Израилевы и их память. Все кочевники определяют себя в генеалогических терминах; большинство “кочевых посредников” настаивает на генеалогическом принципе, находясь в окружении аграрных обществ, которые сакрализуют пространство. Все они народы времени, а не места; народы одновременно “бездомные” и “исторические”, “безродные” и “древние”⁶.

⁵ Norman O. Brown. *Hermes the Thief: The Evolution of a Myth*. Madison: University of Wisconsin Press, 1947; Marcel Detienne and Jean-Pierre Vernant, *Cunning Intelligence in Greek Culture and Society*. Hassocks, Sussex: Harvester Press, 1978; Laurence Kahn. *Hèrmès passe ou les ambiguïtés de la communication*. Paris: François Maspero, 1978; W. B. Stanford. *The Ulysses Theme: A Study in Adaptability of a Traditional Hero*. Dallas: Spring Publications, 1992.

⁶ George Gmelch and Sharon Bohn Gmelch. *Commercial Nomadism: Occupation and Mobility among Travellers in England and Wales*, in Rao, *The Other Nomads*, 134; Matt T. Salo. *The Gypsy Niche in North America: Some Ecological Perspectives on the Exploitation of Social Environments*, Rao, *The Other Nomads*, 94; Judith Okely. *The Traveller-Gypsies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 58–60; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 70; Clifford Geertz. *Peddlers and Princes: Social Change and Economic*

Каковы бы ни были источники отличий, наибольшее значение имеет сам факт их существования. Поскольку только чужаки могут заниматься определенными опасными, чудесными и постыдными профессиями, успешное функционирование меркурианцев зависит от того, как долго им удастся быть чужаками. Согласно Брайану Л. Фостеру, в начале 1970-х годов народ мон в Таиланде был разделен на крестьян-рисоводов и торговцев-речников. Крестьяне называли себя тайцами, редко говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят на нем еще реже; торговцы называли себя мон, часто говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят еще чаще. Крестьяне не были уверены, что их предками были мон; торговцы были совершенно уверены, что их клиенты-крестьяне таких предков не имели (иначе они не стали бы их клиентами). И те и другие соглашались, что заниматься торговлей не жульничая невозможно и что быть жуликом – значит нарушать правила крестьянского общежития. “В самом деле, торговец, который решит соблюдать традиционные запреты и обязательства, быстро обнаружит, что вести доходное дело ему вряд ли удастся... Он не сможет никому отказать в кредите и никогда не соберет долгов. Если он будет строго придерживаться существующих норм поведения, то о получении прибыли ему придется забыть”⁷.

Как сказано в аналогичном предписании более раннего периода, “не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею” (Второзаконие 23: 19–20). Это означает среди прочего, что если ты хочешь отдавать в рост, то тебе придется быть иноземцем (или подвергнуться одомашниванию с применением разнообразных методов “клиентелизации” и “кровного братания”).

С точки зрения сельского большинства, все искусства искушают, а всякий коммерсант корыстен (английские слова *merchant* – “купец”, “коммерсант” и *mercenary* – “корыстный”, “наемник” – происходят, как и имя самого Меркурия, от *merx*, “товары”). И разумеется, Гермес был вором. Соответственно, европейских купцов и ремесленников обычно выделяли в особые городские общины; в некоторых горных деревнях современного Эквадора владельцы магазинов – протестанты; а один китайский торговец, которого Л. А. Питер Гослинг наблюдал в малайской деревне, “во всем походил на малайца и скрупулезно соблюдал малайские обычаи, включая ношение саронга, тихую и вежливую малайскую речь и скромное и учтивое поведение. Однако в пору сбора урожая, когда он выходил в поле, чтобы забрать ту часть жатвы, под которую ранее давал кредит, он одевался по-китайски, в шорты и майку, говорил отрывисто и вообще вел себя, по словам одного малайского крестьянина, «совсем как китаец»”⁸.

Noblesse oblige, и потому многие иноземцы-меркурианцы взяли себе за правило – если не вменили в добродетель – жить в чужих монастырях по своему уставу. Китайцы огорчают малайцев своей “грубостью” (*icasar*); инаданы изумляют туарегов отсутствием чувства собственного достоинства (*takarakayt*); японские буракумины уверяют, что неспособны сдержи-

Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press, 1963, 43–44; Mark Zborowski and Elizabeth Herzog, eds. *Life Is with People: The Culture of the Shtetl*. New York: Schocken Books, 1952, 62; Armstrong, *Nations before Nationalism*, 42; Daniel J. Elazar. *The Jewish People as the Classic Diaspora*, in Gabriel Sheffer, ed. *Modern Diasporas in International Politics*. London: Croom Helm, 1986, 215.

⁷ Brian L. Foster. *Ethnicity and Commerce* // *American Ethnologist* 1, № 3 (August 1974): 441. See also Cristina Blanc Szanton. *Thai and Sino-Thai in Small Town Thailand: Changing Patterns of Interethnic relations*, in Lim and Gosling, eds., *The Chinese in Southeast Asia* 2: 99–125.

⁸ Benjamin Nelson. *The Idea of Usury: From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood*. Chicago: University of Chicago Press, 1969; Max Weber. *Ancient Judaism*. Glencoe, 111: Free Press, 1952: 338–345; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 5–6; Alejandro Portes. *Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview*, in Alejandro Portes, ed. *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship*. New York: Russell Sage Foundation, 1995, 14; L. A. Peter Gosling. *Changing Chinese Identities in Southeast Asia: An Introductory Review*, in Lim and Gosling, *The Chinese in Southeast Asia* 2: 4. Очень хорошее обсуждение, включающее две приведенные выше цитаты (и многие другие), содержится в работе Mark Granovetter. *The Economic Sociology of Firms and Entrepreneurs*, in Portes, *The Economic Sociology of Immigration*.

вать эмоции; а еврейские лавочники Европы редко упускали случай поразить гоев своей назойливостью и многословием (“Жена, дочь, слуга, собака – все так и голоса вам в уши”, – злорадно цитирует Зомбарт). Цыгане в особенности ежечасно нарушают общепринятые правила поведения, оскорбляя чувства своих клиентов. Они могут “тушеваться”, когда находят это выгодным, но чаще всего они подчеркивают свою чужеродность с помощью резких речей, броских манер и ярких красок – нередко посредством изощренных публичных демонстраций вызывающей неуместности⁹.

Подобные спектакли тем обиднее для коренного населения, что многие обидчики – женщины. В традиционных обществах чужеземцы смешны, опасны или отвратительны потому, что они нарушают нормы; самые же важные нормы – те, что регулируют половую жизнь и половое разделение труда. Чужеземные женщины всегда либо угнетены, либо распущенны – и нередко “прекрасны” (вследствие их угнетенности и распущенности, а также потому, что они – главная причина и главная награда большинства военных кампаний). Не все иностранцы странны в равной степени, но нет иностранцев страннее странников внутренних, для которых нарушение норм – профессия, призвание и символ веры. Торговцы среди пайщиков, кочевники среди крестьян и племена среди наций, они являются зеркальными отражениями своих хозяев – причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей.

Распространенное среди аборигенов мнение, что меркурианские женщины и мужчины имеют склонность меняться местами, – не только вариация на тему “извращенности иноземцев”, но и наблюдение, основанное на реальных профессиональных различиях. Купцы и кочевники часто отводят женщинам более заметные роли, чем крестьяне и воины, а некоторые из кочевых посредников живут преимущественно за счет женского труда (сохраняя, однако, патриархальную политическую организацию). Канджары Пакистана, которые специализируются на изготовлении игрушек, пении, танцах, нищенстве и проституции, получают основную часть годового дохода от работы женщин. То же самое верно в отношении цыган Европы, профессионально занимающихся пророчеством и попрошайничеством. В обоих этих случаях, а также в еврейских общинах Восточной Европы женщины играют важную роль в связях с внешним миром (как исполнительницы, рыночные торговки или посредницы при переговорах) и нередко считаются сексуально вызывающими и социально агрессивными – впечатление, которое они порой сознательно усиливают¹⁰.

Той же цели служит демонстративная невоинственность мужчин, которая является непременным условием для вступления в должность внутреннего иноземца и обязательным показателем устойчивой чуждости (отказ от драки, как и отказ от гостеприимства, – эффективный способ уклонения от межкультурных контактов). Буракумины, инаданы и цыгане могут быть “страстными” или “порывистыми”, но никто не ждет от них воинской чести. Чтобы оставаться конкурентоспособными функциональными евнухами, монахами, исповедниками или шутами, они не должны производить впечатление полноценных мужчин. Василий Розанов, один из наиболее красноречивых российских антисемитов, говорит о еврейской “женственности, прилепленности и прямой привязанности, почти влюбчивости; во-первых, лицом к лицу с тем человеком, с каким каждый из них имеет дело, и, во-вторых, вообще к окружающему племени, обстановке, природе и быту (укоры пророков, да и очевидность)”¹¹. Гермес столь же слаб,

⁹ Donald L. Horowitz. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985, 119; Casajus, *Crafts and Ceremonies*, 303; de Vos and Wagatsuma, *Japan's Invisible Race*, 231; Werner Sombart. *The Jews and Modern Capitalism*. London: T. Fisher Unwin, 1913, 138; Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 322–323.

¹⁰ Joseph C. Berland, *Kanjar Social Organization*, in Rao, *The Other Nomads*, 253; Gmelch, “Groups That Don't Want In”, 320–321; Anne Sutherland. *The Body as a Social Symbol among the Rom*, in John Blacking, ed. *The Anthropology of the Body*. London: Academic Press, 1977, 376.

¹¹ Тайна Израиля: “Еврейский вопрос” в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX в. (СПб.: София,

сколь умен (ум компенсирует слабость); Гефест хром, уродлив и комически неумел во всем, кроме своего мастерства; провидцы-кузнецы германских мифов – горбатые карлики с огромными головами. И все ассоциируются с распутством и супружескими изменами. Три образа: бесстрастная нейтральность, циничное донжуанство и женский эротизм – сочетаются в различных пропорциях и применяются в разной степени, но всех их отличает разительное отсутствие мужественности.

* * *

Впрочем, иноземцы славны не столько манерами, сколько делами, а главными заботами любого общества являются прием пищи и производство потомства. Чужаки (враги) – это люди, с которыми не садятся за стол и не вступают в браки; безнадежные чужаки (варвары) – это люди, которые едят всякую мерзость и блудят, точно дикие звери. Наиболее распространенный способ превратить чужака в друга – разделить с ним трапезу и “кровь”; наиболее верный способ остаться чужаком – отказаться и от того, и от другого¹².

Все кочевые посредники эндогамны, и многие из них соблюдают пищевые ограничения, которые делают братание с соседями и клиентами невозможным (а выполнение опасных и постыдных функций – вообразимым). Когда один из сынов Израилевых “привел к братьям своим Маданитянку”, Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, “взял в руку свою копье и вошел вслед за Израильтянином в спальню и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину, в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых” (Книга Чисел 25: 1–18). Мужчинам часто удается избежать наказания, однако в традиционных еврейских и цыганских общинах брак женщины с чужаком считается непоправимым осквернением и приводит к изгнанию и символической смерти. Во времена, когда все боги были ревнивы, в поступке Финееса не было ничего необычного; странной является приверженность эндогамии в обществе победившего универсализма.

Пищевые табу менее опасны, но более заметны как межевые знаки. Ни один еврей не может воспользоваться гостеприимством нееврея и сохранить свою чистоту в чуждом окружении; ремесленников и музыкантов, живших среди марги Западного Судана, легко узнавали по особым ковшикам для воды, которые они носили с собой во избежание осквернения; а английские “странники”, получающие большую часть пищи от оседлого населения, живут в постоянном страхе инфекции (предпочитая консервированные и упакованные продукты, не загрязненные “нестранниками”). Джайны формально не включались, как и парсы, в индуистскую кастовую систему, однако поистине “странным народом” их сделала приверженность доктрине неприменения насилия к живым существам (*ahimsa*). Помимо строгого вегетарианства, доктрина требует отказа от еды, в которой могут заводиться черви и мелкие насекомые (картофель, редис и т. п.), и исходит из того, что всякий физический труд, в особенности труд землепашца, содержит в себе угрозу осквернения. Что бы ни стояло на первом месте – изменение профессиональной специализации или аскетический вызов индуизму – джайны, бывшие поначалу воинами, превратились в банкиров, ювелиров, ростовщиков, промышленников и торговцев. Стремление к ритуальной чистоте привело к тем же последствиям, что и эмиграция в Восточную Африку¹³.

Противопоставление чистоты и скверны лежит в основе всякой нравственности, будь то традиционные различия (между частями тела, частями света, естественными сферами,

1993), 251. Все переводы без атрибуции сделаны автором.

¹² Yuri Slezkine. *Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity* // *Representations* 47 (Summer 1994): 174, 180–182; Max Weber. *Ancient Judaism*. Glencoe, 111: Free Press, 1952, 351–355.

¹³ Vaughn, *Caste Systems*, 77–79; Sutherland, *The Body*, 378–380; Okely, *The Traveller-Gypsies*, 83–85; Axelrod, *A Social and Demographic Comparison*, 51–54, 61–62.

сверхъестественными силами и человеческими видами) или различные пути спасения, духовные либо политические. Так или иначе, “грязь” и “чуждость” (людей или вещей) обыкновенно связаны – и неизменно опасны. Универсалистские идеологии попытались избавиться от чуждости, дав ей иную интерпретацию (провозгласив, в случае одной из них, что “не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека”¹⁴). Полного успеха они не добились (мир по-прежнему полон старомодными сыроедящими чужаками), но грязь и чуждость стали менее страшными и потенциально преодолимыми – если не считать профессиональных иностранцев, чья вера и доля неотделимы от чуждости. Большинство традиционных евреев, цыган и других кочевых посредников разделяют эту точку зрения; не убежденные универсалистской риторикой, они сохраняют разделение мира на две отдельные сущности, одна из которых ассоциируется с чистотой (поддерживаемой при помощи ритуалов), а другая – со скверной. Если среди христиан и мусульман слова, обозначающие чужаков, иноземцев, язычников, варваров и неверных, конкурируют друг с другом и не всегда относятся к одной общей категории, еврейские и цыганские понятия “гой” и “гажо” позволяют воспринимать всех неевреев или нецыган как одно чуждое племя, состоящее из отдельных гоев и гажо. Христиане и мусульмане, переходящие на кочевое посредничество, проявляют склонность к эндогамии и таким “национальным”, чуждым миссионерства церквям, как грегорианская (армянское слово “одар” аналогично “гою” и “гажо”), несторианская, маронитская, мелькитская, коптская, ибадийская и исмаилитская.

Все они – избранные народы в том смысле, что открыто боготворят самих себя и принципиально отмежевываются от всех прочих. Существуют и другие такие сообщества, но мало кто столь же последователен. Многие аристократические сословия, к примеру, традиционно (и иногда убедительно) возводят свое происхождение к кочевым воинам, подчеркивают свою чуждость как дело “чести”, практикуют строгую эндогамию и соблюдают сложные ритуалы избегания. Жрецы (священники) также устранились от базовых форм социального взаимодействия, образуя самовоспроизводящиеся касты или вовсе отказываясь от воспроизводства. Однако и те и другие, как правило, делят имя, место и бога (а порой и трапезу или жену) с теми, чей труд присваивают благодаря монополии на доступ к земле и душеспасению. Кроме того, многие из них принадлежат к универсалистским идеологиям, ограничивающим этическую обособленность и поддерживающим крестовые походы, депортации, миссионерскую активность и другие виды борьбы с отличиями.

У “меркурианцев” подобных обязательств не существует, а самые бескомпромиссные из них, такие как цыгане и евреи, сохраняют радикальный дуализм и очистительные запреты на протяжении многих веков проповедей и преследований. Черный шелковый шнур, который правоверные евреи носят на поясе, чтобы отделить верхнюю часть тела от нижней, аналогичен “ограде” (эй-рув), обращавшей все местечко в один общий дом для соблюдения чистоты субботы, а также незримому, но жизненно важному барьеру, который повсеместно обозначает гойско-еврейскую границу. Цыганские средства защиты от скверны еще более существенны и многочисленны, поскольку в отсутствие письменной традиции на них лежит основное бремя этнической дифференциации. Быть цыганом значит непрерывно сражаться со скверной (*marime*) – задача тем более серьезная, что цыгане по роду их деятельности не могут не жить среди гажо, которые являются главным источником и воплощением заразы (и тем более парадоксальная, что отдельно взятые гажо живут среди цыган в качестве слуг, исполняющих нечистую работу). На смену религиозным предписаниям приходят “гигиенические” – так, во всяком случае, может показаться, когда цыгане отбеливают стены своих жилищ или используют бумажные полотенца, чтобы поворачивать ручки кранов и открывать двери в общественных уборных. Евреи, которых часто обвиняют в неопрятности, всегда вызывали

¹⁴ Матфей 15:11.

подозрение и восхищение соседей своей приверженностью телесной чистоте. И даже на Индийском субконтиненте, где все этносоциальные группы окружают себя сложными очистительными табу, парсы выделяются интенсивностью заботы о личной гигиене и строгостью запретов, связанных с менструальным циклом¹⁵.

* * *

Следом за чистотой и скверной существенным признаком чуждости является язык. Слово “варвар” значит “пустомеля” или “заика”, а славянский термин “немец” (“немой”) первоначально относился ко всем иноземцам. Большинство “меркурианцев” выступают в роли варваров и “немцев”, где бы они ни жили (иногда ценою значительных усилий). Если они не говорят на языке, который является иностранным для окружающего населения, они создают его сами. Так, некоторые европейские цыгане говорят на “романи”, морфологически продуктивном языке индийской группы, родственном языкам “дом” Ближнего Востока и восходящем к языку индийской касты торговцев, кузнецов и актеров. (Впрочем, романи необычен в том отношении, что он не выводим из определенного регионального диалекта и чрезвычайно богат морфосинтаксическими заимствованиями, что позволяет некоторым ученым называть его языком “слияния” и отказывать ему в грамматической связности и независимости¹⁶.) Многие другие цыгане говорят на своеобразных языках “пара-романи”, в которых лексикон романи сочетается с грамматикой (фонологией, морфологией и синтаксисом) языков окружающего большинства. Существуют среди прочих английская, испанская, баскская, португальская, финская, шведская и норвежская разновидности романи; все они остаются непонятными для окружающего населения и по-разному описываются лингвистами: как бывшие диалекты романи, преобразованные посредством “массированных грамматических замещений”; как креольские языки, произведенные от “пиджинов” (упрощенных, гибридных языков контакта), которыми первые иммигранты-рома пользовались для общения с местными изгоями; как “смешанные диалекты”, созданные цыганскими общинами, утратившими грамматически продуктивный романи, но сохранившими доступ к нему (через старых соплеменников и новых иммигрантов) в качестве инструмента “отчуждения”; как “смешанные языки” (местная грамматика, иммигрантский словарь), порожденные соединением двух языков-прародителей; и наконец, как этнолекты и криптолекты, сознательно создаваемые носителями стандартных местных языков при помощи широко доступных терминов, происходящих из романи и других источников¹⁷.

Каково бы ни было их происхождение, языки “пара-романи” используются исключительно кочевыми посредниками, обычно заучиваются в отрочестве и передаются из поколения в поколение как эмблемы групповой принадлежности и тайные коды. Согласно информантам

¹⁵ См. в особенности: Sutherland, *The Body*, and Luhrmann, *The Good Parsi*, 102; Max Weber, *The Sociology of Religion*. Boston: Beacon Press, 1963, 109; David Nemeth, *Gypsy Taskmasters, Gentile Slaves*, in Matt T. Salo, ed. *The American Kalderas: Gypsies in the New World*. Hackettstown, N. J.: Gypsy Lore Society, North American Chapter, 1981, 29–41.

¹⁶ См.: Okely, *The Traveller-Gypsies*, 8–19; and Paul Wexler, *The Case for the Relexification Hypothesis in Romani*, in Julia Horvath and Paul Wexler, eds. *Relexification in Creole and Non-Creole Languages*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997, 100–161. Очень полезный обзор см. в: Yaron Matras, *Para-Romani Revisited*, in Yaron Matras, ed. *The Romani Element in Non-Standard Speech*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998, 1–27.

¹⁷ Основные аргументы (в указанном порядке) см. в работах: (1) Sarah Grey Thomason and Terrence Kaufman, *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988), 103f; (2) Ian F. Hancock, *The Social and Linguistic Development of Angloromani* // Working Papers in Sociolinguistics, № 38 (December 1977): 1–42; also Ian F. Hancock, *Is Anglo-Romanes a Creole?* // Journal of the Gypsy Lore Society 49, № 1–2 (1970): 41–44; (3) Norbert Boretzky and Birgit Igla, *Romani Mixed Dialects*, in Peter Bakker and Maarten Mous, eds. *Mixed Languages: Fifteen Case Studies in Language Intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994, 35–68; and Norbert Boretzky, *Der Romani-Wortschatz in den Romani-Misch-Dialekten (Pararomani)*, in Matras, *The Romani Element*, 97–132; (4) Peter Bakker and Maarten Mous, *Introduction*, and Peter Bakker, *Michif, The CreeFrench Mixed Language of the Métis Buffalo Hunters in Canada*, in Bakker and Mous, *Mixed Languages*, 1–11 and 13–33; and (5) Jakob Ladefoged, *Romani Elements in Non-Standard Scandinavian Varieties*, in Matras, *The Romani Element*, 133–164.

Асты Олесен из числа шейх-мохаммади, их дети лет до шести-семи говорят по-персидски, а затем осваивают адургари, “на котором мы говорим, когда чужим не следует знать, о чем идет речь”. То же самое верно в отношении “тайных языков” фуга и ваата – кочевых посредников Южной Эфиопии¹⁸.

Когда язык, незнакомый окружающему населению, недоступен, а заимствуемые из местного языка элементы недостаточны, “варварство” и “немота” речи обеспечиваются различными формами лингвистического камуфляжа: произнесением задом наперед (целых слов или отдельных слогов), заменой гласных, подстановкой согласных, префиксацией, суффиксацией, парафразированием, словесной игрой и т. п. Инаданы делают свою речь непонятной путем добавления приставки *от-* и суффикса *-ак* к некоторым существительным языка тамачеков [тамаджеки, тамашеки]; халаби (кузнецы, целители и актеры долины Нила) преобразуют арабские слова добавлением суффикса *-eishi* или *-elheid*; в речи английских цыган (англоромани) слова *about* (о, относительно), *bull* (бык) и *tobacco smoke* (табачный дым) превращаются в *aboutas*, *bullas* и *fogas*; а в языке шельта вместо ирландских *do* (два) и *dorus* (дверь) произносится *od* и *rodus*, а вместо английских *solder* (пять) и *supper* (ужин) – *grawder* и *grupper*¹⁹. Шельта – язык ирландских “странников”, который состоит из видоизмененного ирландско-гаэльского лексикона, встроенного в грамматическую структуру английского языка. Основная его функция – непрозрачность для непосвященных, и, согласно сообщению собирателя Джона Сэмпсона, который в 1890 году повстречал в ливерпульской таверне двух “лудильщиков”, функцию свою он выполнял успешно:

Эти люди не затруднялись никакими предрассудками касательно личного достоинства или опрятности, а речь их была во всех смыслах испорченной. Этимологически ее можно описать как вавилонскую, образцовый жаргон ночлежки, составленный из шельта, “быстрого арго”, рифмованного сленга и романи. Говорили они на этом наречии с поразительной беглостью и, по-видимому, с немалой для себя выгодой²⁰.

Подобным образом принижались и языки еврейской диаспоры, на которых их носители говорили со столь же поразительной беглостью и еще большей для себя выгодой (в смысле удовлетворения всего спектра познавательных и коммуникативных нужд). Свои первоначальные языки евреи утратили относительно рано, но пока они оставались кочевыми посредниками, они нигде не переняли в неизменном виде язык окружающего населения. Где бы они ни появлялись, они создавали или приносили с собой свои собственные национальные языки, так что существовали еврейские варианты (иногда не один) арабского, персидского, греческого, испанского, португальского, французского, итальянского и многих других языков. Некоторые гебраисты считают, что это были не “варианты”, а отдельные языки – *Judezmo*, например, а не “иудеоиспанский”, или *Yahudic*, а не “иудеоарабский” (подобно тому как специалисты по цыганским языкам противопоставляют “англоромани” “романи-английскому”). Идиш, который обычно классифицируется как германский язык или диалект немецкого, разительно отличается от своих “родственников” тем, что содержит чрезвычайно высокий процент негерманских грамматических элементов, не может быть возведен к региональному диалекту (Соломон Бирнбаум называет его “синтезом разнообразного диалектического материала”) и является монопольным достоянием профессионально специализированной и рели-

¹⁸ Olesen, *Peddling in East Afghanistan*, 36; Bollig, *Ethnic Relations*, 204, 214.

¹⁹ Casajus, *Crafts and Ceremonies*, 308–309; Bollig, *Ethnic Relations*, 214; Hancock, *The Social and Linguistic Development*, 29; Anthony P. Grant, *Shelta: The Secret Language of Irish Travellers Viewed as a Mixed Language*, in Bakker and Mous, *Mixed Languages*, 135–136; R. A. Stewart Macalister. *The Secret Languages of Ireland, with Special Reference to the Origin and Nature of the Shelta Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1937, 132.

²⁰ Цитируется в Macalister, *The Secret Languages*, 134–135.

гиозно изолированной общины, где бы ни жили ее члены²¹. Нет оснований полагать, что первые еврейские переселенцы в Рейнскую область когда-либо говорили на одном диалекте со своими соседями-христианами; напротив, романские (по всей видимости) языки, на которых они говорили в момент иммиграции, сами были специфически еврейскими²².

Некоторые ученые считают, что идиш – это романский или славянский язык, в словаре которого произошли массивные замещения (“релексификация”), или особая разновидность креольского языка, произошедшего от “гибридизированного” немецкого и впоследствии “обогащенного заимствованиями”²³. Две канонические истории идиша отвергают его германское происхождение, не предлагая альтернативы в рамках общепринятой номенклатуры (отличной от “еврейских языков”): Бирнбаум называет его “синтезом” семитских, арамейских, романских, германских и славянских “элементов”, а Макс Вейнрейх описывает его как “язык-сплав”, образованный из четырех “детерминант” – древнееврейского, лоеза (иудеофранцузского и иудеоитальянского), немецкого и славянского. Согласно Джошуа А. Фишману, идиш – “многокомпонентный” язык “диаспорически-еврейского” типа, который часто рассматривается его носителями (и другими хулителями) как несовершенный, но который никогда не был гибридным (*pidgin*), поскольку никогда не проходил через стадию стабильного редуцирования и не служил языком межгруппового общения²⁴. Креолисты говорят об идише как об исключении или не говорят о нем вовсе; идишисты относят его к смешанным языкам, не объясняя, что это такое; главный теоретик “смешанных языков” не считает его достаточно смешанным; а большинство общих лингвистов включают идиш в германскую генетическую группу, не обсуждая особенностей его генезиса²⁵.

Ясным представляется одно: когда у кочевых посредников нет наречия, чуждого окружающему населению, они создают новые языки способами, которые не похожи ни на генетическую эволюцию (передачу от поколения к поколению), ни на гибридизацию (упрощение и ролевое ограничение). Языки эти так же подвижны и необыкновенны, как и их носители. Они не умещаются ни в одну из существующих языковых “семей”. Их *raison d'être* – увековечение отличий, сознательное сохранение странности, а значит, чуждости. Все они – особые тайные языки неумоимо хитроумного Меркурия. Арго еврейских скототорговцев (и раввинов) средневековой Германии содержало гораздо больше древнееврейских слов, чем речь их соплеменников, потребности общения которых были не столь эзотеричны. С иронией – и немалой проницательностью – они называли его *Loshen-Koudesh* (“священный язык / коровий язык”) и пользовались им, как идишем в миниатюре, на больших расстояниях. (Вне еврейского мира идиш, как и романи, был важнейшим источником “блатных” словарей Европы. Русские слова “блатной”, “феня” и “фраер” – еврейского происхождения²⁶.) Но главной причиной странности меркурианских языков была религия, то есть “культура”, то есть кочевое посредничество как образ жизни. Как писал Макс Вейнрейх, “«наше – значит, не чужое» простира-

²¹ Solomon A. Birnbaum. *Yiddish: A Survey and Grammar*. Manchester: Manchester University Press, 1979, 76, 106.

²² Max Weinreich. *History of the Yiddish Language*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 95–124.

²³ Paul Wexler. *The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity*. Columbus: Slavica, 1993, 59–60 and passim; Dell Hymes. *Introduction*, in Dell Hymes, ed. *Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971, 76, 77–78, 86–87 (цитата взята со с. 86); см. также: Ian F. Hancock. *Recovering Pidgin Genesis: Approaches and Problems*, in Albert Valdman ed. *Pidgin and Creole Linguistics*. Bloomington: Indiana University Press, 1977, 277–294, esp. 289–290, and Ian F. Hancock, *Appendix: Repertory of Pidgin and Creole Languages*, там же, 385.

²⁴ Birnbaum, *Yiddish*, 82 and passim; Weinreich, *History of the Yiddish Language*, 29, 350–351, 599f and passim; Joshua A. Fishman. *Yiddish: Turning to Life*. Amsterdam: John Benjamins, 1991, 19–35, 189–201.

²⁵ О категории “смешанных языков” см.: Bakker, *Michif*, 25–26. Нет сомнения, что с точки зрения грамматического строя и словарного запаса идиш – германский язык; уникальными (среди германских языков) являются история его возникновения и функционирование.

²⁶ Matras, *Para-Romani Revisited*, 21; Yaron Matras. *The Romani Element in German Secret Languages*, in Matras, *The Romani Element*, 193–194; Hancock, “Recovering Pidgin Genesis”, 290.

ется гораздо дальше, чем слова отвращения или слова отличия». Нечистые “гойские” термины не годились для обозначения не только мерзости и святости, но и деторождения, милосердия, семьи, смерти и большей части жизни. Одна из молитв Субботы начинается словами: “Тот, кто отличает святое от нечестивого”, а завершается словами: “Тот, кто отличает святое от святого”. В пределах еврейского – и цыганского – мира “все закоулки жизни святы, одни больше, другие меньше”, а потому тайные слова множились и преображались, пока сам язык не стал тайным, подобно народу, которому он служил и который славил²⁷.

* * *

Помимо более или менее тайных наречий, некоторые кочевые посредники располагают формально сакральными языками и алфавитами, которые служат для поддержания постоянной связи с богом, домом, прошлым и спасением (древнееврейский и арамейский у евреев, авестанский и пахлави у парсов, грабар у армян, сирийский у несториан). В некотором смысле все кочевые посредники (включая заокеанских китайцев и восточноевропейских немцев) обладают такими языками, поскольку любой “литературный” язык сакрален в той степени, в какой он поддерживает связь говорящих на нем людей с их (новым) богом, домом, прошлым и спасением. Иначе говоря, все меркурианцы многоязычны (Гермес был богом красноречия). Как профессиональные чужаки, равно зависящие от культурных отличий и экономической взаимосвязанности, они обладают по крайней мере одним внутренним языком (сакральным, тайным или и тем и другим) и по крайней мере одним внешним. Все они дипломаты, переводчики и мистификаторы, а те из них, кто владеет грамотой, обычно гораздо грамотнее хозяев, поскольку грамотность, как и язык вообще, является ключом как к сохранению самобытности, так и к выполнению коммерческой (сочетательной) функции.

Но и здесь отличие первично. Успешное выполнение сочетательной функции (посреднической, переводческой, переговорной) зависит от увековечения отличий, а отличия приводят к странным союзам: где бы ни жили меркурианцы, их отношения с клиентами строятся на взаимной неприязни, подозрительности и презрении. Даже в Индии, где все общество состоит из эндогамных, экономически специализированных, страшящихся осквернения чужаков, парсы чувствуют себя более чуждыми и чистыми, чем все остальные²⁸. Взаимная антипатия оседлых производителей и кочевых посредников повсеместна, неизбежна и в конечном счете связана с опасностью осквернения. “Они” едят всякую гадость, плохо пахнут, живут в грязи, плодятся как кролики и вообще постоянно – и непоправимо – смешивают чистое с нечистым (отчего становятся предметом сексуального любопытства). Любые контакты с ними – особенно через пищу (гостеприимство) и кровь (супружество) – опасны и потому запретны – и потому желанны. И потому запретны. Подобные страхи редко симметричны: нарушитель границы по определению изгой, а значит, всегда опасен и плохо приручим. В сложных обществах с прочно укоренившимися универсальными идеологиями эти взаимоотношения могут меняться: нарушители границ сохраняют страх перед повседневным осквернением и кровосмешением (шикса – “нееврейка” – означает “нечистая”), а принимающее их большинство все чаще интерпретирует чуждость в религиозных и политических терминах. Однако стержнем антимеркурианской риторики остается боязнь заразиться, а главным проводником заразы по-прежнему являются кровь и пища: произнесение колдовских заклинаний, наводящих порчу на урожай, использование крови младенцев для приготовления ритуальной пищи или угроза “чистоте крови” (*limpieza de sangre*) христианской Испании.

²⁷ Weinreich, *History of the Yiddish Language*, 199, 605.

²⁸ Luhrmann, *The Good Parsi*, 47–59.

Асимметрия этим не ограничивается. Принимающие общества имеют на своей стороне численное превосходство, воинскую этику, силу оружия, а иногда государство. Кроме того, они относительно самодостаточны в экономическом отношении – не в такой степени, как полагали Фердинанд и Изабелла накануне изгнания евреев из Испании, но в несравненно большей степени, чем кочевые посредники, которые полностью зависят от своих клиентов. И наконец, их мнения друг о друге представляют собой взаимно дополняющие противоположности, на которых строится мировая гармония: свое – чужое, оседлое – кочевое, телесное – разумное, мужское – женское, постоянное – изменчивое. С течением времени относительная ценность отдельных элементов может меняться, но оппозиции остаются прежними (Гермес обладал всеми теми качествами, за которые будут ненавидеть – и уважать – цыган, евреев и заокеанских китайцев)²⁹.

И что важнее всего, мнения эти по большей части справедливы. Не в смысле реальности определенных поступков или применимости культурных обобщений к отдельным личностям, а в той мере, в какой они описывают культурные ценности и экономическое поведение одного общества в терминах другого. Конкретные формулировки могут меняться, но смысл базовых оппозиций остается прежним. Мнение, что кочевые посредники держатся замкнуто, помогают друг другу, привержены иным ценностям, настаивают на различиях и сопротивляются ассимиляции, разделяется обеими сторонами (и превращается в обвинение лишь в тех немногочисленных обществах, в которых ассимиляция считается добродетелью). Чуждость – их профессия; замкнутость – средство поддержания чуждости; а взаимопомощь – способ выживания и залог общей судьбы.

Даже причины их чуждости не были предметом споров. Европейский антисемитизм часто объясняют еврейскими истоками христианства и последующим изображением необращенных евреев в роли богоубийц (“этническим” толкованием крика толпы: “Кровь Его на нас и на детях наших”). Суждение это справедливо во многих отношениях (второе пришествие Христа связано с концом изгнания евреев), но верно и то, что до утверждения коммерческого капитализма, при котором Гермес стал верховным божеством, а некоторые разновидности кочевого посредничества – модными и даже обязательными, меркурианская жизнь повсеместно считалась – и самими кочевыми посредниками, и их клиентами – небесной карой за изначальное прегрешение.

Одна из групп “гриотов”, живущих среди народа малинке, была приговорена к вечным странствиям за то, что их предок, Саурахата, пытался убить пророка Мухаммеда. Инаданы были прокляты за то, что продали прядь волос пророка проходившему мимо арабскому каравану. Ваата (из Восточной Африки) вынуждены были кормиться за счет племени боран, потому что их предок опоздал на первое после сотворения мира собрание, на котором Бог небес раздавал домашний скот. Шейх-мохаммади рассказывают, что сыновья их предка так плохо себя вели, что он “проклял их всех и сказал: да не быть вам никогда вместе; и они рассеялись и пошли бродить по миру”. А Сиаун, пращур гхорбатов Афганистана, “сидел однажды на вершине холма, плетя решето, и проголодался. И появился кусок хлеба, сначала совсем близко, но потом, поскольку Бог гневался на нашего предка, все дальше и дальше, пока не скатился с этого холма и не закатился на другой, и Сиауну пришлось бежать за ним далеко-далеко. Вот почему мы, его потомки, должны скитаться по белу свету в поисках хлеба насущного (рузи)”. Одна из многих легенд, объясняющих образ жизни цыган, гласит, что Адам и Ева были до того плодовиты, что решили спрятать некоторых своих детей от Бога, который прогневался и обрек невидимок на вечную неприютность. Среди других объяснений упоминаются кровосмешение и отказ в гостеприимстве, но наиболее распространенная теория заключается в том, что цыгане выковали гвозди, которыми был распят Христос. По положительной версии той же

²⁹ Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict*, 168–169.

легенды цыгане отказались выковать четвертый гвоздь и в награду получили разрешение воровать и свободу путешествовать, – но это, по всей видимости, более поздняя интерпретация (как и объяснение изгнанничества евреев притеснениями со стороны гоев). До утверждения господства светских индустриальных государств большая часть человечества исходила из того, что кочевое посредничество означает неприютность и что неприютность – проклятие. Жертвами самых знаменитых в западной традиции наказаний стали Прометей, самый искусный из мастеров, укравший Зевсов огонь; Сизиф, “самый хитрый из людей”, обманувший Смерть, и, разумеется, Одиссей/Улисс, самый еврейский из греков, матросы которого дали волю враждебным ветрам, не пускавшим его домой³⁰.

Согласно другому распространенному взгляду, меркурианцы лживы, алчны, коварны, напористы и грубы. Это тоже констатация факта в том смысле, что, с точки зрения крестьянина, пастуха, князя и священника, любой торговец, ростовщик и ремесленник есть злостный и намеренный нарушитель норм достойного поведения (в особенности если он – бормочущий басурманин без дома, роду и племени). “Среди бедуинов руала богатство – верблюды, добро, золото – не накапливается, а преобразуется в репутацию (честь). Среди странствующих торговцев, которых руала, с большим или меньшим на то основанием, считают посланцами города, богатство определяется количеством собственности в виде денег или вещей. Для руала владение богатством равнозначно отсутствию щедрости, что ведет к умалению чести и, следовательно, авторитета. Для горожан – и странствующих торговцев – обладание собственностью является признаком власти и влияния”³¹. Всякое экономическое разделение труда предполагает дифференциацию ценностей; вслед за разделением по половому признаку важнейшим является отделение производителей и присвоителей пищи от специалистов по предоставлению услуг. Аполлонийцы и дионисийцы – одни и те же люди: сегодня трезвые и степенные, завтра пьяные и разгульные. Последователи Гермеса не бывают ни степенными, ни разгульными – они известны как ловкачи и умельцы с тех пор, когда Гермес, едва появившись на свет, изобрел лиру, смастерил “неописуемые, невысказанные, изумительные” сандалии и украл у Аполлона стадо скота.

У Гермеса ничего, кроме хитроумия, не было. Аполлон, его старший брат и антипод, покровительствовал и скотоводству, и земледелию. В качестве бога производителей пищи он владел землей, направлял течение времени, защищал воинов и мореплавателей и вдохновлял истинных поэтов. Он был мужественным и вечно юным, атлетичным и артистичным, поэтичным и обстоятельным – самым универсальным из богов и самым боготворимым. Разница между Аполлоном и Дионисом (раздутая Ницше до устрашающих размеров) относительно невелика, потому что вино – лишь один из бесчисленных плодов моря и суши, которыми ведал Аполлон. (Дионисийцы – это аполлонийцы на празднике урожая.) Разница между аполлонийцами и меркурианцами – судьбоносное противостояние производителей пищи и создателей понятий и символов. Меркурианцы трезвы, но неосновательны.

Когда аполлонийцы превращаются в космополитов, они негодуют на упорство меркурианцев и обвиняют их в клановости, племенной исключительности и прочих грехах, которые недавно были добродетелями (и во многих случаях остаются таковыми). Подобные обвинения многим обязаны принципу зеркального отображения: если космополитизм – добродетель, значит, чужакам он несвойствен (если не считать чужаков из породы благородных дикарей, сохраняемых в виде укора и идеала). Однако еще большим они обязаны реальности: в сложных аграрных обществах (а их предшественники космополитизмом не интересовались) и, определенно, в современных государствах кочевые посредники обладают гораздо большей родовой

³⁰ Michael J. Casimir *In Search of Guilt: Legends on the Origin of the Peripatetic Niche*, in Rao, *The Other Nomads*, 373–390; Olesen, *Peddling in East Afghanistan*, 36; Okely, *The Traveller-Gypsies*, 216.

³¹ Lancaster and Lancaster, *The Function of Peripatetics*, 319.

солидарностью и внутренней сплоченностью, чем их оседлые соседи. Это справедливо в отношении всех кочевников, но мало кто может сравниться с кочевниками-меркурианцами, которые не обладают ни дополнительными ресурсами, ни механизмами принуждения. По словам Пьера ван ден Берге, “группы с густой сетью родственных связей и сильной структурой патриархальной власти, позволяющей удерживать разветвленные семьи в семейном бизнесе, имеют серьезные преимущества в посреднических занятиях перед группами, у которых такие характеристики отсутствуют”³².

Независимо от того, является ли “корпоративное родство” причиной или следствием кочевого посредничества, большинство кочевых посредников такой системой обладает³³. “Нации” ром состоят из родов (вица), которые подразделяются на большие семьи, нередко объединяющие свои доходы в ведении старейшин; кроме того, кочующие объединения (таборы) и территориальные ассоциации (кампании) распределяют между собой области, подлежащие эксплуатации, и организуют свою экономическую и социальную жизнь под руководством главы одного из семейств³⁴.

Индийцы Восточной Африки избежали некоторых профессиональных ограничений и социальных требований субконтинента (“мы все *baniyas*, даже те, у кого нет *dukas* [лавок]”), но сохранили эндогамию, очистительные запреты и большую семью в качестве экономической единицы³⁵. В Западной Африке все ливанские торговые предприятия были семейными. Это “означало, что клиенты (даже не отдавая себе в этом отчета) могли рассчитывать на преемственность и долгосрочность. Сын всегда возвращал долги отца и ожидал возврата выданных отцом кредитов. Сплоченность семьи была социальным фактором, создававшим основу экономического успеха ливанских торговцев: власть мужчины над его женой и детьми означала, что дело велось так же четко [и дешево!], как если бы его вел один-единственный человек, и так же широко, как если бы им занималась коммерческая группа”. Страхование от несчастных случаев, экспансия в новые сферы, различные формы кредитования и социального регулирования обеспечивались более крупными кланами, а иногда всей ливанской общиной в целом³⁶. Заокеанские китайцы получали доступ к капиталу, социальному обеспечению и рабочим местам, становясь членами эндогамных, централизованных и (по большей части) территориальных организаций, основанных на фамилии (клане), родной деревне, районе или диалекте. Эти организации формировали общества взаимного кредита, цеховые гильдии, клубы взаимопомощи и торговые палаты, которые структурировали экономическую жизнь, занимались сбором и распространением информации, улаживали споры, обеспечивали политическую поддержку и финансировали школы, больницы и различные виды общественной деятельности. Криминальные аналоги таких объединений (“гангстерские тонги”) представляли собой кланы поменьше или функционировали как фиктивные семьи со сложными ритуалами приема новых членов и хорошо налаженной системой социального обеспечения³⁷. (Все долговечные “мафии” являются либо ответвлениями сообществ кочевых посредников, либо успешными их имитациями.)

³² Van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 143. См. также: Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 586.

³³ О “корпоративном родстве” см.: William G. Davis, *Social Relations in a Philippine Market: Self-Interest and Subjectivity*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1973, 199–200; и Granovetter, *The Economic Sociology*, 143–146.

³⁴ Sutherland, *The Body*, 377–378; Matt T. Salo, *Gypsy Ethnicity: Implications of Native Categories and Interaction for Ethnic Classification*, 78–79; Ignacy-Marck Kaminski, *The Dilemma of Power: Internal and External Leadership. The Gypsy-Roma of Poland*, in Rao, *The Other Nomads*, 332–334.

³⁵ Bharati, *The Asians in East Africa*, 42, 149; van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 147–153.

³⁶ Van der Laan, *The Lebanese Traders*, 228–230, 241–244. Цитата взята со с. 229.

³⁷ Ivan H. Light, *Ethnic Enterprise in America: Business and Welfare among Chinese, Japanese, and Blacks*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972, 45–61, 81–100; Linda Y. C. Lim, *Chinese Economic Activity in Southeast Asia: An Introductory Review* in Lim and Gosling, *The Chinese in Southeast Asia*, 1: 5; Eitzen, *Two Minorities*, 230; Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 111–127.

Клановость – это лояльность по отношению к ограниченному и хорошо очерченному кругу родичей (реальных или фиктивных). Такая лояльность создает внутреннее доверие и внешнюю неприступность, которые помогают кочевым посредникам выжить, а в некоторых случаях – сильно преуспеть в чуждом окружении. “Кредиты раздаются, а капиталы накапливаются в ожидании того, что обязательства будут выполняться; делегирование власти производится без опасения, что отдельные ее носители предпочтут собственные интересы общему делу”³⁸. В то же самое время чужаки легко определяются и надежно изолируются: “Иноземцу отдавай в рост”. Клановость – это лояльность с точки зрения постороннего.

Экономический успех, да и сама природа меркурианских занятий ассоциируются с еще одним широко распространенным и по существу точным отношением к их культуре: “Они думают, что они лучше всех, что они самые умные”. И, разумеется, они так думают и таковыми являются. Лучше быть избранным, чем неизбранным, какую бы цену ни пришлось заплатить. “Благословен ты, о Господь, Царь Вселенной, что не сотворил меня гоем”, – говорится в еврейской молитве. “Хорошо, что я потомок Иакова, а не Исава”, – писал Шолом-Алейхем³⁹. “Это такое чувство, которое появляется у тебя, если ты учишься в элитной школе и вдруг попадаешь в техникум, – объяснял один парс, обремененный чувством превосходства перед другими индийцами. – Ты гордишься тем, что учишься в элитной школе, но тебя смущает, что другие люди могут эту гордость заметить. Смущает, потому что ты думаешь, что они думают, что ты ощущаешь превосходство перед ними, а ты и ощущаешь, и знаешь, что это неправильно”⁴⁰.

Неправильным это стало совсем недавно. Меркурианцы обязаны своим выживанием чувству превосходства над аполлонийцами, которое основано на убеждении, что главной мерой сравнения является интеллект. Иаков был умнее волосатого Исава, а Гермес перехитрил Аполлона и насмешил Зевса, когда ему был всего день от роду (страшно подумать, что учинил бы он с пьяным Дионисом). Обе эти истории – и многие такие же – рассказывают сами потомки хитрецов и умельцев. Канджары презирают своих лежачих хозяев; ирландские “странники” считают, что их главным преимуществом перед оседлым населением является живость ума (“сообразительность”); фольклор ромов полон историй о том, как они обхитрили тугодумов – нецыган; а еврей из местечка готов был признать (когда был в хорошем настроении), что, говоря словами Мориса Самуэля, “в основе своей Иван – малый неплохой; глуповат, пожалуй, и грубоват, любит выпить и жену поколачивает время от времени, но, в сущности, добродушный... – пока начальство не начинает вертеть им как хочет”⁴¹.

По собственному их убеждению, а также по мнению окружающих, меркурианцы обладают качеством, которое у греков называлось метис, или “хитроумие” (с упором на “хитрость” или “ум” в зависимости от пристрастий говорящего). Качество это, находящееся в ведении Гермеса и полностью воплощенное на земле Одиссеем/Улиссом, представляет собой главное оружие слабого, самую сомнительную из добродетелей и полную противоположность как грубой силы, так и зрелой мудрости. Как пишут Марсель Детьенн и Жан-Пьер Вернан,

есть много видов деятельности, которые требуют, чтобы человек научился манипулировать враждебными силами, которые слишком мощны, чтобы управлять ими непосредственно, но которые можно использовать вопреки им самим, с помощью неожиданных, окольных средств. Сюда относятся среди прочего тактика воина, использующего хитрость, маскировку

³⁸ Granovetter, *The Economic Sociology*, 143; see also Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 586–587; and van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 139–144.

³⁹ Цитируется в: Albert S. Lindemann. *Esau's Tears: Modern Anti-Semitism and the Rise of the Jews*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 5.

⁴⁰ Luhrmann, *The Good Parsi*, 50.

⁴¹ Berland, *Kanjar Social Organization*, 249; Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 314; Maurice Samuel. *The World of Sholom Aleichem*. New York: Alfred A. Knopf, 1943], 131.

и нападение из засады; искусство кормчего, направляющего свой корабль против ветров и течений; словесные уловки софиста, обращающего против противника его же лучшие доводы; умение банкира или торговца, которые, подобно фокусникам, делают большие деньги из ничего; предвидение политика, умеющего обогнать непредсказуемый ход событий; и ловкость рук, а также знание секретов ремесла, дающие искусному мастеру власть над вечно сопротивляющимся материалом. Именно в таких видах деятельности необходим метис⁴².

Мнения меркурианцев об аполлонийцах в конечном счете так же рациональны, как мнения аполлонийцев о меркурианцах. Кочевых посредников кормят, формируют и вдохновляют не мать-земля и не стада Аполлона, а люди. Торговцы, целители, барды или мастера, они всегда работали на клиента, который всегда прав – и всегда интересен. “Канджары очень много знают о человеческих ресурсах, которые они эксплуатируют, тогда как члены оседлых общин почти ничего не знают об обществе и культуре канджаров – их опыт ограничен ролью пассивной публики на хорошо продуманном представлении”⁴³. Певцам известны вкусы людей, предсказателям – их надежды (а значит, судьбы), торговцам – их нужды, врачам – их тела, а ворами – их привычки, тайники и жилища. “Отправляясь просить подаяния, ирландская «странница» облачается в шаль или в *rug* (клетчатый плед), которые общеизвестны как символы прошлой бедности Ирландии: берет с собой младенца или маленького ребенка, даже если его приходится одалживать у другой семьи; и просит совсем немного – «глоток» молока, например, или «кусочек» хлеба, – играя на сочувствии своих клиентов и придавая любому отказу обличье скарденности”⁴⁴.

Как специалисты по изучению людей, меркурианцы используют слова, деньги, понятия, эмоции и другие неосознанные объекты в качестве инструментов своего ремесла (в чем бы это ремесло ни состояло). Они знают цену гораздо большей части вселенной, чем землепашцы и скотоводы, и видят ценность гораздо большего числа занятий. Их мир обширнее и разнообразнее, потому что они говорят на разных языках, пересекают границы понятий и государств и носят “неописуемые, невысказанные, изумительные” сандалии, которые позволяют им быть в нескольких местах одновременно. Цыгане и евреи всегда в пути (так или иначе). Во “времена гетто”, пишет Джейкоб Кац, “ни одну общину, даже самую крупную, нельзя было назвать замкнутой и самодостаточной. Деловые операции соединяли представителей различных общин посредством переписки и личных контактов. Характерной особенностью экономической деятельности евреев было то, что они могли рассчитывать на деловые связи с еврейскими общинами самых отдаленных стран и городов... Евреи, сидевшие в лавках и поджидавшие покупателей, составляли скорее меньшинство, чем преобладающий тип”⁴⁵. Банкиры, торговцы вразнос, студенты ешибота и знаменитые раввины выезжали далеко за пределы крестьянского воображения.

Они путешествовали не только по суше и по воде. Некоторые из кочевых посредников были грамотными, то есть вдвойне кочевниками. Естественным продолжением искусства Меркурия по части красноречия и остроты стало его покровительство писателям (*Mercuriales viri*, или “люди Меркурия”, как называет их Гораций), а грамотные меркурианцы превратились в главных специалистов по манипулированию текстами. В традиционных обществах письменность была прерогативой жрецов и чиновников; среди грамотных меркурианцев каждый

⁴² Detienne and Vernant, *Cunning Intelligence*, 47–48.

⁴³ Berland, *Kanjar Social Organization*, 249.

⁴⁴ Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 314.

⁴⁵ Jacob Katz. *Out of the Ghetto: The Social Background of Jewish Emancipation, 1770–1870*. Cambridge: Harvard University Press, 1973, 22.

мужчина – жрец. Евреи, парсы, армяне, восточноевропейские немцы и заокеанские китайцы и индийцы были не просто грамотнее своих клиентов: они остро сознавали свое преимущество в грамотности – и следовательно, в знаниях и интеллекте. Тем, чем являются ромы, навары и инаданы для устной культуры, грамотные меркурианцы являются для культуры письменной. Бизнесмены, дипломаты, врачи и психотерапевты суть грамотные купцы, гонцы, целители и гадалки. Некоторые из них состоят в кровном родстве.

Не приходится удивляться, что все они невысокого мнения об Иване. У тех, кто ценит живость, подвижность, богатство и любознательность, мало оснований уважать князей и крестьян. Те же, кто убежден, что физический труд почетен, насилие естественно, а чужаков следует либо кормить, либо калечить (или что чужаков вообще не должно быть), не очень любят кочевых посредников. И оттого на протяжении большей части истории человечества они жили бок о бок во взаимном презрении и подозрении – не потому что были невежественны и суеверны, а потому что имели возможность хорошо друг с другом познакомиться.

* * *

На протяжении большей части истории человечества в преимуществе одной из сторон не было сомнений. Меркурианцы знали об аполлонийцах больше, чем аполлонийцы о меркурианцах (и о самих себе), но знание это было оружием слабых. Гермесу приходилось хитрить, потому что Зевс и Аполлон были такие большие и сильные. Но одним лукавством не проживешь, и чаще всего он использовал свою лиру и свои сандалии, чтобы оповещать, потешать и прислуживать.

Со временем положение стало меняться. Зевса обезглавили, причем не один раз, или выставили дураком; Аполлон потерял лоск и самообладание; а Гермес пробрался на самый верх – не в том смысле, что инаданы победили туарегов, а в том смысле, что туареги начали подражать инаданам. Современность есть превращение всех до одного в кочевых посредников: подвижных, хитроумных, разговорчивых, профессионально гибких и социально отчужденных. Задача тем более трудная, что и туареги, и инаданы должны были стать похожими на армян и евреев, успеху которых на меркурианском поприще сильно способствовала привычка писать тексты (своим особым способом).

Некоторые “устные меркурианцы” (в том числе нигерийские ибо) успешно перешли на новые методы; другие (в первую очередь цыгане) продолжают обслуживать мир уличной культуры и неформального (и часто нелегального) предпринимательства. Некоторые группы аполлонийцев обнаружили способность к меркурианству; другие уклонялись, сопротивлялись или терпели неудачи. Но никто не остался в стороне, и никто так не преуспел в письменном (“современном”) меркурианстве, как письменные меркурианцы с многовековым опытом⁴⁶. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах. Парсы, обратившись с появлением португальцев в коммерческих посредников, стали видными финансистами, промышленниками и городскими профессионалами британской Индии – включая самого известного и состоятельного из них, Джамсетжи Нуссерванджи Тата. Парсами были самый заметный индийский политик XIX столетия (“великий старик Индии”) Дадабхай Наороджи; идеолог радикального национализма Бхихайджи Рустом Кама; все три индийских члена британского парламента; первый индийский баронет; первый премьер-министр бомбейского округа; “Некоронованный король Бомбея”; “Картофельный король Бомбея”; основатель производства кофе в Восточной Индии; первый индиец, совершивший перелет из Европы

⁴⁶ Сравни: Gellner, *Nations and Nationalism*, 103–109; Kotkin, *Tribes*, *passim*.

в Индию; самые влиятельные масоны Индии; большинство индийцев – исполнителей западной музыки (включая со временем Зубина Мету и Фредди Меркьюри); и все до единого члены первой сборной Индии по крикету. В 1931 году 79 % всех парсов (и 73 % парсских женщин) были грамотными – в сравнении с 51 % индийских христиан и 19 % индусов и мусульман⁴⁷. Аналогичные списки можно составить для всех письменных меркурианцев (хотя некоторые из них предпочитают воздерживаться от участия в публичной политике).

Крошечное меньшинство, где бы они ни жили, арабоязычные иммигранты из Леванта (сирийцы, палестинцы и ливанцы, известные в Латинской Америке как “турки”) монополизировали розничную торговлю бассейна Амазонки во время каучукового бума начала XX столетия и со временем стали главной силой в экономической жизни Ямайки, Доминиканской Республики и Гондураса. Между 1919 и 1936 годами арабские предприниматели контролировали 67 % гондурасского импорта-экспорта, а к концу 1960-х годов на них работало соответственно 36 и 45 % промышленной рабочей силы Тегусигальпы и Сан-Педро-Сула. За последние два десятилетия по меньшей мере семеро глав государств Нового Света были ливанского происхождения: Хулио Сесар Турбай Аяла в Колумбии, Абдала Букарм и Хамил Магуад в Эквадоре, Карлос Роберто Факуссе в Гондурасе, Карлос Менем в Аргентине, Саид Муса в Белизе и Эдвард Сеага на Ямайке. В Соединенных Штатах потомки ливанских христиан в изобилии представлены в политической, экономической и культурной элите; один из них, Ральф Нейдер, претендовал в 2000 году на пост президента. В Сьерра-Леоне ливанцы (составляющие меньше 1 % населения) полностью контролируют самые производительные секторы экономики, включая торговлю золотом и алмазами, финансы, розничную торговлю, транспорт и операции с недвижимостью. При президенте Сиаке Стивенсе пятеро ливанских олигархов были де-факто правительством страны⁴⁸.

Индийская диаспора пережила Британскую империю (столь много сделавшую для ее распространения) и двинулась дальше, специализируясь в таких традиционно меркурианских (“еврейских”) видах деятельности, как торговля, финансы, медицина, недвижимость, ювелирное дело и индустрия развлечений. Несмотря на повсеместную дискриминацию, гоанцы, джайны, исмаили и гуджаратцы среди прочих сохранили господствующие позиции в экономической и профессиональной жизни Восточной Африки (включая 70–80 % всех производящих фирм постколониальной Кении). Джайны, самая “пуританская” и, вероятно, самая богатая община индийской диаспоры, по объему международной торговли алмазами уступают только евреям; обосновавшись в конце 1980-х в таких центрах алмазного бизнеса, как Нью-Йорк, Антверпен и Тель-Авив, они отвечают за треть всех мировых закупок негранных алмазов. В Соединенных Штатах индийцы (по преимуществу гуджаратцы) владеют примерно 40 % всех небольших мотелей и обширной сетью недорогих гостиниц в крупных городских центрах. В 1989-м совокупный глобальный капитал, вложенный заокеанскими индийцами в недвижимость, оценивался примерно в 100 миллиардов долларов. В то же самое время (в 1980-х) число студентов-индийцев в Соединенных Штатах выросло в четыре раза, превысив 26 000. К 1990 году в калифорнийской Кремниевой долине подвизалось 5000 индийских инженеров и несколько сотен миллионеров. Всего в Соединенных Штатах работало около

⁴⁷ Luhrmann, *The Good Parsi*, 91–95, 119; Jamsheed K. Choksy, *Evil, Good, and Gender: Facets of the Feminine in Zoroastrian Religious History*. New York: Peter Lang, 2002, 109.

⁴⁸ Dario A. Euraque. *The Arab-Jewish Economic Presence in San Pedro Sula, the Industrial Capital of Honduras: Formative Years, 1880s–1930s*, in Ignacio Klich and Jeffrey Lesser, eds. *Arab and Jewish Immigrants in Latin America: Images and Realities*. London: Frank Cass, 1998, 95, 109; Clark S. Knowlton. *The Social and Spatial Mobility of the Syrian and Lebanese Community in Sao Paulo, Brazil*, in Hourani and Shehadi, *The Lebanese in the World*, 292–293, 302–303; David Nicholls. *Lebanese of the Antilles: Haiti, Dominican Republic, Jamaica, and Trinidad*, in Hourani and Shehadi, *The Lebanese in the World*, 339–360; Crowley, *The Levantine Arabs*, 139; Nancie L. Gonzalez. *Dollar, Dove, and Eagle: One Hundred Years of Palestinian Migration to Honduras*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992, 93–100; Amy Chua. *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: Doubleday, 2003, 116, 149–150.

20 000 индийских инженеров и 28 000 врачей, включая 10 % всех анестезиологов. Однако крупнейшим бриллиантом в короне индийской диаспоры является старая имперская “метрополия”. В Лондоне находятся штаб-квартиры большого числа индийских коммерческих кланов, а в Великобритании в целом количество предпринимателей с Индийского субконтинента на 60 % превышает аналогичный показатель среди “белых” британцев. Их доля среди управленческого и профессионального персонала также непропорционально велика. В 1970-х годах показатель восхождения по лестнице социальной иерархии среди выходцев с субконтинента был в три раза выше, чем среди остального населения Британии⁴⁹.

Самую большую и разветвленную меркурианскую общину современного мира образуют заокеанские китайцы. Большинство из них живет в Юго-Восточной Азии, где они, столкнувшись с относительно незначительной рыночной конкуренцией, перешли с торговли вразнос, ростовщичества и мелкого ремесленничества на банковское дело, производство одежды, обработку сельскохозяйственной продукции и, наконец, к полному экономическому господству (отчасти скрытому с помощью подставных лиц). В конце XX века этнические китайцы (менее 2 % населения) контролировали около 60 % частной экономики Филиппин, включая, согласно Эми Чуа, “четыре главные авиалинии страны и практически все банки, отели, торговые центры и крупные конгломераты”. Они доминировали в грузоперевозках, строительстве, текстильной промышленности, операциях с недвижимостью, фармацевтической, производственной и компьютерной индустриях, а также в сетях оптовой торговли страны... и владели шестью из десяти англоязычных газет Манилы, включая самую крупнотиражную”. То же самое происходило в Индонезии (около 70 % частной экономики, 80 % компаний фондовой биржи Джакарты и все без исключения миллиардеры и крупнейшие корпорации страны), Малайзии (около 70 % рыночной капитализации) и Таиланде (67 из 70 наиболее мощных бизнес-групп, причем исключения составляют Военный банк, Бюро собственности короны и Таиландско-Индийская корпорация). В посткоммунистической Бирме и почти посткоммунистическом Вьетнаме этнические китайцы быстро вернули себе господствующее положение в экономике: в Рангуне и Мандалае они владеют большей частью отелей, магазинов и недвижимости, а в Хошимине контролируют примерно 50 % рыночной активности и доминируют в легкой промышленности, импорте-экспорте, торговых центрах и частном банковском деле. Постколониальная Юго-Восточная Азия стала частью международной экономической системы заокеанских китайцев со штаб-квартирами в Гонконге, на Тайване и в Калифорнии⁵⁰.

Почему некоторые недавние аполлонийцы готовы – и способны – переквалифицироваться в меркурианцев? Почему китайские и японские крестьяне, высаживаясь на новых берегах, превращаются в предпринимателей? Почему большинство индийцев разных каст в Африке стали *baniyas*? И почему бывшие ливанские крестьяне проигнорировали бесчисленные призывы бразильского правительства (которому требовались независимые фермеры для развития юга страны, сельскохозяйственные контрактники на замену рабам и промышленные рабочие при проведении индустриализации) и предпочли кочевую, полную опасностей жизнь торговцев в джунглях?

Некоторые авторы ищут ответы на эти вопросы в “протестантской этике” зороастризма, джайнизма, иудаизма, конфуцианства и религии Токугава⁵¹. Трудность этого предприятия

⁴⁹ David Himbara. *Kenyan Capitalists, the State, and Development*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 1994, 45; Kotkin, *Tribes*, 103, 205–209, 229; Sowell, *Migrations and Cultures*, 310–311, 344; Chua, *World on Fire*, 113, 157–158.

⁵⁰ Chua, *World on Fire*, 3, 36–37, 43, 34–35; Bambang Harymurti, *Challenges of Change in Indonesia* // *Journal of Democracy* 10, № 4 (1999): 9–10; Kotkin, *Tribes*, 165–200; Sowell, *Migrations and Cultures*, 175–176.

⁵¹ См., к примеру: Robert E. Kennedy, Jr. *The Protestant Ethic and the Parsis* // *American Journal of Sociology* 68, № 1 (July 1962): 11–20; Balwant Nevaskar. *Capitalists without Capitalism: The Jains of India and the Quakers of the West*. Westport, Conn: Greenwood, 1971; Peter L. Berger and Hsin-Huang Michael Hsiao, eds. *In Search of an East Asian Development Mode!* New Brunswick, N. J.: Transaction Books, 1988; S. Gordon Redding. *Weak Organizations and Strong Linkages: Managerial Ideology and Chinese Family Business Networks*, in Gary G. Hamilton, ed. *Asian Business Networks*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996, 27–42; Robert N. Bellah.

состоит в том, что кочевых посредников намного больше, чем потенциальных протестантов. Можно, вероятно, найти специфически меркурианские черты в племенном христианстве армянских грегориан и ливанских маронитов (большинство ранних арабских иммигрантов в Америку), однако едва ли удастся доказать, что православие снабдило османских греков особыми предпринимательскими навыками или что римский католицизм отвечает за непропорционально высокое представительство американских итальянцев в таких типично меркурианских занятиях, как сфера развлечений, организованная преступность и розничная торговля в городских гетто. Да и сам Макс Вебер мог смутить своих последователей, настаивая на строгом разграничении между современным капитализмом и племенным предпринимательством и утверждая, что “кальвинистские” элементы иудаизма были относительно поздней адаптацией к условиям изгнания, а не источником коммерческого вдохновения.

Другие исследователи отмечают влияние региональных коммерческих традиций на отношение различных обществ к экономической выгоде и меркурианскому образу жизни. Согласно Томасу Соуэллу, “экономически выгодное расположение Ближнего Востока, в течение столетий бывшего перекрестком торговых путей Европы и Азии, благоприятствовало процветанию торговых портов и торговых племен, самыми заметными из которых стали евреи, армяне и ливанцы”. То же самое, утверждает Соуэлл, справедливо и в отношении заокеанских китайцев, “которые вышли в основном из Южного Китая, плохо приспособленного к развитию промышленности, но богатого портами и жившего в значительной степени за счет торговли”. Та же схема применима к меркурианцам Индии и Восточной Азии – но вряд ли ко многим другим. Корейская и японская диаспоры, например, проявляют больше интереса к посреднической деятельности и занимаются ею более успешно, чем большинство эмигрантов из таких традиционных торговых регионов, как Средиземноморье или Балтика⁵².

Наиболее популярным объяснением успешного перехода в меркурианство является “корпоративное родство”, содействующее развитию внутреннего доверия, но ограничивающее число потенциальных претендентов на долю прибыли. Непотизм может быть благотворным для капитализма – при условии, что права и обязанности племянников четко осознаются и неукоснительно соблюдаются⁵³. Практически все меркурианские фирмы, принадлежащие армянам, корейцам, ливанцам, заокеанским индийцам и американским итальянцам, являются семейными предприятиями. Даже самые крупные коммерческие и промышленные империи заокеанских китайцев, со штаб-квартирами в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, похожи на банкирский дом Ротшильда в том отношении, что местными филиалами обыкновенно заправляют сыновья, братья, племянники или зятья основателя. Согласно этой теории, главной религией меркурианских общин является неукоснительная семейственность (которая на чужбине может распространяться на более крупные кланы и в конечном итоге на весь – избранный – народ). Если сущность конфуцианства – “апофеоз семьи”, то поведение многих итальянских иммигрантов в Америке можно объяснить тем, что Фрэнсис Фукуяма называет “итальянским конфуцианством”⁵⁴.

Tokugawa Religion: The Cultural Roots of Modern Japan; Sombart, *The Jews and Modern Capitalism*. New York: Free Press, 1985. Макс Вебер пытается доказать, что только христиане-протестанты могли *создать* современный капитализм, но при этом, очевидно, исходит из того, что, будучи созданным, капитализм находит некоторые религии (включая и приведенные в нашем списке) более подходящими, чем другие. См. его *Sociology of Religion*, гл. XV–XVI, и в особенности *Ancient Judaism*.

⁵² Sowell, *Migrations and Cultures*, 19, 375. Косвенные предположения того же рода см. в Bonacich, “A Theory of Middleman Minorities”, 588; Gonzalez, *Dollar, Dove, and Eagle*, 81–92; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, *passim*.

⁵³ См. в особенности: Wong-Siu-lun, *Chinese Entrepreneurs and Business Trust*; S. Gordon Redding, *Weak Organizations and Strong Linkages: Managerial Ideology and Chinese Family Business Networks*; and Gary G. Hamilton. *The Organizational Foundations of Western and Chinese Commerce: A Historical and Comparative Analysis*, and *The Theoretical Significance of Asian Business Networks*, in Gary G. Hamilton, ed. *Asian Business Networks*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996, 13–26, 27–42, 43–58 and 283–298; Davis, *Social Relations in a Philippine Market*, 199–200; Granovetter, *The Economic Sociology*, 143–146; van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 140–143.

⁵⁴ Francis Fukuyama. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995, 74, 85, 97–112.

Проблема социобиологического объяснения предпринимательского nepoтизма (предложенного Пьером ван ден Бергом) состоит в том, что некоторые из наиболее успешных меркурианских предприятий – немецкие и японские, а также сицилийская мафия – не являются клановыми. Их стратегия заключается в использовании семейных моделей и метафор для создания сплоченных и долговечных псевдосемей – в японском случае от группы учеников одного мастера до деловых партнерств зайбацу (“финансовых клик”). Одно очевидно: наилучшими претендентами на новые меркурианские роли являются сообщества, максимально похожие на старые меркурианские племена. Главным качеством, обязательным для всех соискателей, является сочетание внутренней сплоченности с внешней чуждостью: чем сильнее сплоченность, тем больше чуждость, и чем больше чуждость, тем сильнее сплоченность. Наилучшая же гарантия и того и другого – бескомпромиссная и идеологизированная семейственность (клановость), которая может быть биологической или псевдобиологической и которая может подкрепляться – или подменяться – острым чувством богоизбранности и культурного превосходства. Религиозные секты, не требующие безбрачия, превращаются в эндогамные племена; эндогамные племена, верящие в особую судьбу и судьбоносную чуждость, превращаются в религиозные секты⁵⁵.

* * *

Каково бы ни было происхождение недавних его вариантов, кочевое посредничество – старое и новое, письменное и устное – всегда было опасным занятием. Будучи безоружными чужаками, меркурианцы столь же уязвимы, сколь заметны, тем более что сегрегация по месту жительства (на лесных стоянках, в торговых кварталах и в этнических гетто) является необходимым условием их существования. В безгосударственных обществах их охраняют потусторонние силы и профессиональные монополии; во всех прочих их защищает – или не защищает – взимающая налоги элита, которая наживается на их предприимчивости.

История кочевых посредников – это история периодических погромов и государственного колебания между более или менее рациональным вымогательством и разного рода конфискациями, депортациями и экзекуциями. Европейских цыган считали столь же бесполезными, сколь опасными (музыка была единственным “богемным” занятием, которое можно было законодательно регулировать с выгодой для казны) и травили постоянно, пусть не всегда рьяно. Письменных меркурианцев считали столь же незаменимыми, сколь недостойными, а потому “одомашнивали” (путем предоставления государственной защиты и экономических монополий), одновременно оставляя чужими (путем сохранения физической сегрегации, религиозного самоуправления и административной автономии).

Залогом полезности меркурианцев было экономическое преуспевание; слишком явное преуспевание приводило к новым налогам, массовому насилию и жалобам со стороны туземных конкурентов. Временами соображения долгосрочной экономической пользы уступали нужде в деньгах и козлах отпущения или полностью отвергались в пользу религиозного универсализма и бюрократической симметрии. На Филиппинах в 1596 году депортировали 12 000 китайцев, в 1603-м вырезали 23 000, в 1639-м – еще 23 000, а в 1662-м – 20 000. В 1755-м все китайцы-нехристиане были изгнаны (а многие обращены в христианство); в 1764-м 6000 человек убиты, а в 1823-м введение особых налогов привело к массовым арестам и эмиграции⁵⁶.

Распространение национализма и коммунизма проложило дорогу к окончательному решению. Если каждой нации положено иметь собственное государство, а каждому государству

⁵⁵ Fukuyama, Там же, *passim*.

⁵⁶ Eitzen, *Two Minorities*, 223; см. также: Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 31–34.

предназначено стать воплощением определенной нации, то все внутренние чужаки – потенциальные предатели. Некоторым позволили ассимилироваться, но законных аргументов в пользу сохранения культурной чуждости и экономической специализации становилось все меньше. Если же пролетариям всех стран надлежало соединиться, а истинными пролетариями могли стать только промышленные рабочие (и их союзники из рядов “беднейшего крестьянства”), то кочевые посредники превращались в “лакеев буржуазии” или просто буржуев. Одни стали аполлонийцами меркурианского происхождения; другие – коммунистами; третьи – меркурианскими националистами и, если очень повезло, гражданами “возрожденных” Израиля и Армении (более аполлонийских, нежели сам Аполлон).

Летом 1903 года, вскоре после антиеврейских беспорядков в Кишиневе, правительство Гаити запретило иностранцам заниматься розничной торговлей и безучастно взидало на последовавшие за этим антилевантийские погромы. В течение двух лет местные газеты (включая специально созданную *L'Antisyrien*) поносили “левантийских чудовищ” и “потомков Иуды”, временами призывая к полному их “искоренению” (*extirpation*). Только давление со стороны иностранных держав (местные представители которых тоже относились к левантинцам без симпатии) помешало последовательному претворению в жизнь указов об изгнании. Около 900 беженцев покинули страну⁵⁷. В 1919 году ливанцы Фритауна (Сьерра-Леоне) провели восемь недель под официальной охраной в ратуше и двух соседних зданиях, пока их дома грабили и жгли. Британское Министерство по делам колоний рассмотрело вопрос о поголовном выселении ливанцев “в интересах мира и спокойствия”, но решило не лишать их защиты. Двадцать лет спустя комиссар будущего премьер-министра Таиланда по делам культуры сослался на антисемитскую политику Гитлера и заявил, имея в виду местных китайцев (к которым сам принадлежал), что “пора и Сиаму заняться делами своих евреев”. Как писал король Ваджиравудх в памфлете, озаглавленном “Евреи Востока”, “в том, что касается денег, китайцы начисто лишены морали и милосердия. Обманув вас, они не испытают ничего, кроме удовлетворения от собственной проницательности”⁵⁸.

Всеобщее осуждение попыток “искоренения” армян и ассирийцев в Турции и евреев и цыган в Европе не охладило антимеркурианского рвения. В новых африканских государствах “африканизация” предполагала среди прочего дискриминацию индийских и ливанских предпринимателей и государственных служащих. В Кении их преследовали как “азиатов”, в Танзании – как “капиталистов” и в обеих странах – как “кровососов” и “пиявок”. В 1972 году президент Уганды Иди Амин изгнал из страны 70 000 ограбленных индийцев, сказав на прощанье, что у них нет “никаких интересов, кроме личной выгоды любой ценой”. В 1982 году попытка переворота в Найроби повлекла за собой массовый индийский погром, во время которого было разграблено 500 магазинов и изнасиловано по меньшей мере двадцать женщин⁵⁹.

В постколониальной Юго-Восточной Азии мишенью национального строительства стали китайцы. В Таиланде им было запрещено заниматься 27 видами деятельности (1942), в Камбодже – восемнадцатью (1957), а на Филиппинах специальные законы об “иноземцах” лишили их возможности иметь во владении и передавать по наследству определенные виды собственности и заниматься большинством профессий (одновременно значительно затруднив процесс выхода из разряда “иноземцев”). В 1959–1960 годах запрет президента Сукарно на ведение

⁵⁷ Nicholls, *Lebanese of the Antilles*, 348–349; Brenda Gayle Plummer, *Race, Nationality, and Trade in the Caribbean: The Syrians in Haiti, 1903–1934* // *International History Review* 3, № 4 (October 1981): 517–539; Brenda Gayle Plummer, *Between Privilege and Opprobrium: The Arabs and Jews in Haiti*, in Klich and Lesser, *Arab and Jewish Immigrants*, 88–89.

⁵⁸ Van der Laan, *The Lebanese Traders*, 4–5; Winder, *The Lebanese in West Africa*, 300; Anthony Reid, *Entrepreneurial Minorities, Nationalism, and the State*, in Chirot and Reid, *Essential Outsiders*, 56, 69 n. 61. См. также: Kasian Tejapira, *Imagined Uncommunity: The Lookjin Middle Class and Thai Official Nationalism*, in Chirot and Reid, *Essential Outsiders*, 75–98.

⁵⁹ Van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 155; Bharati, *The Asians in East Africa*, 97–98; Seidenberg, *Mercantile Adventurers*, 203–204; Chua, *World on Fire*, 114. Амин цитируется по *Los Angeles Times*, August 14, 1972, процитированной в: Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 591.

иноземцами розничной торговли в сельских районах Индонезии привел к поспешному отъезду из страны почти 130 000 китайцев, а в 1965–1967 годах антикоммунистическая кампания генерала Сухарто сопровождалась массовыми погромами, депортациями, грабежом и дискриминацией китайского населения. Подобно многим другим меркурианцам, китайцы Юго-Восточной Азии были непропорционально многочисленны среди как коммунистов, так и капиталистов и нередко рассматривались коренными жителями как воплощение всех форм космополитической современности. В 1969 году в результате антикитайских волнений в Куала-Лумпуре погибло около тысячи человек; в 1975-м взятие Пол Потом Пномпеня привело к смерти примерно 200 000 китайцев (половины всего китайского населения – вдвое больше в процентном отношении, чем городских кхмеров); а в 1978–1979 годах сотни тысяч вьетнамских китайцев бежали из Вьетнама в ходе “лодочной” эмиграции. Конец века ознаменовал конец президента Сухарто, который закрыл китайские школы и запретил использование китайских иероглифов (за исключением одной контролируемой правительством газеты), не переставая полагаться на финансовую поддержку китайского бизнеса. Демонстрации, свергнувшие его режим, завершились массовыми антикитайскими беспорядками. По свидетельству одного очевидца, “сотни людей одновременно бросились к лавкам. Они выбили окна и двери, начался грабеж. Толпа вдруг словно обезумела. Захватив вещи, она принялась поджигать дома вместе с их жителями и насиловать женщин”. За два дня сгорело около 5000 домов, более 150 женщин подверглись групповому изнасилованию и более 2000 человек было убито⁶⁰.

Слова “антисинизм” нет ни в одном языке, кроме китайского (и даже в Китае этот термин, “пайхуа”, используется ограниченно и не является общепринятым). Наиболее распространенным способом описания роли – и участия – индонезийских китайцев является формула “евреи Азии”. А наиболее подходящим английским (французским, голландским, немецким, испанским, итальянским) названием для того, что произошло в Джакарте в мае 1988 года, является русское слово “погром”. В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного, но есть нечто замечательное в том, как евреи стали символом кочевого посредничества, где бы оно ни практиковалось. Все меркурианцы были носителями городских навыков среди сельских трудов, и все письменные меркурианцы стали главными выдвиженцами и жертвами повсеместной победы города, однако только евреи – письменные меркурианцы Европы – превратились в универсальных представителей меркурианства и современности. Век Универсального Меркурианства стал Еврейским веком, потому что он начался в Европе.

⁶⁰ Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 213–214, 215–219; Chua, *World on Fire*, 36, 44–45; Mary F. Somers Heidhues. *Southeast Asia's Chinese Minorities*. Hawthorn, Victoria, Australia: Longman, 1974, 80–86; Garth Alexander. *Silent Invasion: The Chinese in Southeast Asia*. London: Macdonald, 1973, 130–143; Ben Kiernan, *Kampuchea's Ethnic Chinese under Pol Pot* // *Journal of Contemporary Asia* 16, № 1 (1986): 18–29; Wu and Wu, *Economic Development*, 39–40; Eitzen, *Two Minorities*, 224–225; Reid, *Entrepreneurial Minorities*, 61; Harymurti, “]Challenges of Change, 9–10. Последняя цитата взята из: Abidin Kusno. *Remembering/Forgetting the May Riots: Architecture, Violence, and the Making of Chinese Cultures in Post – 1998 Jakarta* // *Public Culture* 15, № 1 (2003): 149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.